

Ежемесячный научный журнал Том 1 №70 / 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID: 660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID: 806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID: 762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID: 9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID: 1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация и

безопасность движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID: 330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID: 293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID: 573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID: 410791

Профессор факультета психологии Гуманитарно-прогностического института. Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID: 416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практика управления факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВО МГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID: 391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID: 193376

Профессор на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID: 357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID: 681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID: 1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управление персоналом и психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID: 425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID: 596021

Заведующая кафедрой психологии. Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID: 493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеевропейская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID: 750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID: 450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID: 1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID: 652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID: 338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровью ФМБА, Лаборатория экологической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID: 666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультеты, Факультет послевузовского профессионального образования врачей, кафедра нелекарственных методов терапии и клинической физиологии (Москва), доктор медицинских наук.

Ильясов Олег Рашитович

AuthorID: 331592

Уральский государственный университет путей сообщения, кафедра техносферной безопасности (Екатеринбург), доктор биологических наук

Косс Виктор Викторович

AuthorID: 563195

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, НИИ спортивной медицины (Москва), кандидат медицинских наук.

Калинина Марина Анатольевна

AuthorID: 666558

Научный центр психического здоровья, Отдел по изучению психической патологии раннего детского возраста (Москва), кандидат медицинских наук.

Сырочкина Мария Александровна

AuthorID: 772151

Пфайзер, вакцины медицинский отдел (Екатеринбург), кандидат медицинских наук

Шукшина Людмила Викторовна

AuthorID: 484309

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук

Оленев Святослав Михайлович

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и

менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

Терентий Ливиу Михайлович

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

Шкаренков Павел Петрович

AuthorID: 482473

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук

Шалагина Елена Владимировна

AuthorID: 476878

Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук

Франц Светлана Викторовна

AuthorID: 462855

Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук

Франц Валерия Андреевна

AuthorID: 767545

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук

Глазунов Николай Геннадьевич

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

Романова Илона Евгеньевна

AuthorID: 422218

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д. 44, к. 1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Haġverdiyev K.N., Maharramova A.V.</i> METHODOLOGY OF QUALITY IMPROVEMENT IN MODERN CHEMISTRY EDUCATION	6	<i>Haġverdiyev K.N., Guliyeva S.N.</i> ACMEOLOGICAL INNOVATIVE TEACHING OF CHEMISTRY	9
--	---	--	---

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Баглаюк С.Б.</i> ОЧЕРНЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ.....	13	<i>Баглаюк С.Б.</i> ДЕМОНИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ	17
---	----	--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кулик В.И., Кулик И.В.</i> СТОИТ ЛИ ПЕРЕЧИТЫВАТЬ К МАРКСА И КАК ЕГО ЧИТАТЬ?.....	23	V	
---	----	---	--

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Сафонова А.В.</i> СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ» НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ	38	<i>Шаповалов В.С.</i> ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ — ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДАННОГО ВИДА НАКАЗАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ	40
--	----	---	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

METHODOLOGY OF QUALITY IMPROVEMENT IN MODERN CHEMISTRY EDUCATION

Hagverdiyev Kamil Nasir

*Doctor of Philosophy in Chemistry, Associate Professor
Baku State University*

Maharramova Arzu Vugar

*Member of the student scientific society of the chemistry faculty
Baku State University, Baku*

МЕТОДИКА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО ХИМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ахвердиев Камил Насир оглу

*Кандидат химических наук, доцент
Бакинский Государственный Университет*

Магеррамова Арзу Вугар кызы

*Член студенческого научного общества химического факультета
Бакинский Государственный Университет
г.Баку*

ABSTRACT

The quality of chemical education, we mean a result that reflects the external and internal definition of the process, that is, goals and objectives, levels, content components, stages, methods, tools, forms, conditions, as well as optimal correspondence to the actual results. Activity and personal qualities are expressed in the specified criteria.

Quality assurance in chemistry education cannot be imagined without meeting the needs and requirements of individuals, society and the state. Therefore, the quality of chemical education that meets the existing needs of man and society is an integral feature of the chemical education system.

The quality of chemistry education is determined by the requirements of the new educational standard. The qualitative characteristics of the results are characterized by the ability to assess the quality of individual regulatory, cognitive, and communicative activities.

Today, the achievement of quality in chemistry education has become possible due to the traditional innovative nature of the level of knowledge, the achievement of various educational results, the development of skills, research activities, educational motivation and other criteria for self-education. Knowledge, skills, activities, experience and value relationships are the means of forming holistic professionalism.

Suggests the importance of establishing a relationship with a specific thematic area, can determine its direction. As you can see, the quality of chemical knowledge is a multi-factor concept methodology.

It is important to master the school curriculum, educational material, not only in the form of knowledge, but also in the form of skills.

АННОТАЦИЯ

Под качеством химического образования мы понимаем результат, который отражает внешнее и внутреннее определение процесса, то есть цели и задачи, уровни, компоненты содержания, этапы, методы, инструменты, формы, условия, а также оптимальное соответствие фактические результаты. Активность и личностные качества выражаются в указанных критериях.

Обеспечение качества химического образования невозможно представить без удовлетворения запросов и потребностей человека, общества и государства. Поэтому качество химического образования, отвечающее существующим потребностям человека и общества, является неотъемлемой чертой системы химического образования.

Качество химического образования определяется требованиями нового образовательного стандарта. Качественные характеристики результатов характеризуются возможностью оценки качества индивидуальной регуляторной, познавательной, коммуникативной деятельности.

Сегодня достижение качества в химическом образовании стало возможным благодаря традиционному инновационному характеру уровня знаний, достижению различных образовательных результатов, развитию навыков, исследовательской деятельности, учебной мотивации и другим критериям самообразования. Знания, навыки, деятельность, опыт и ценностные отношения - это средства формирования целостного профессионализма.

Подсказывает важность установления отношений с определенной тематической областью, может определять ее направление. Как видите, качество химических знаний - это методология многофакторных концепций.

Важно усвоить школьную программу, учебный материал не только в виде знаний, но и в виде навыков.

Key words: educational standards, modern chemical education, quality of education, teaching methodology, quality indicators, high-quality teaching methods, conditions for effective teaching and self-education, ways to solve the problem of education quality, effective application of methodology, quality knowledge

Ключевые слова: образовательные стандарты, современное химическое образование, качество образования, методология обучения, показатели качества, качественные методы обучения, условия эффективного обучения и самообразования, способы решения проблемы качества образования, эффективное применение методологии, качественные знания

Improving the quality and effectiveness of education reflects the importance of investing in the future and rethinking its value as a supporting factor in society, culture and life.

The problem of educational effectiveness at the educational level has been studied in various directions.

- The essence of curriculum quality defines the basic functions of the education system, the ability to meet the existing and potential needs of individuals and societies, and the social needs for training highly qualified professionals.

- Disclosure of the essence of the concept of education at the individual education achievement level and the process of educational activity and the concept of quality as a result;

- Acquisition of knowledge and skills in the process of education and training that provides a diagnosis of the quality of education and training. Step-by-step approach for;

- Many researchers have joined to define criteria for assessing the effectiveness of certain aspects of educational activity.

We understand the quality of chemistry education and the results that reflect the external and internal definitions of the process such as goals and objectives, levels, content components, stages, methods, tools, formats, conditions, etc., for optimal compatibility. Understand Actual result. Activity and personality traits are represented by specified criteria.

Ensuring the quality of chemistry education is inconceivable without meeting the needs and needs of individuals, societies and nations. Therefore, the quality of chemistry education that meets the existing needs of individuals and society is an important characteristic of the chemistry education system. [1]

According to modern educational standards, chemistry education models and norms are the relationship of integrative knowledge, creative experience, and values. Therefore, integration is needed to analyze and evaluate the quality of chemistry education. The integrative nature of the methodology for analyzing and evaluating the quality of chemistry education is also characterized by its complex implementation in various criteria, quality indicators, quantitative parameter component methods and working conditions.

The quality of chemistry education is determined by the requirements of the new educational standards. The quality characteristics of the outcome are characterized by the ability to assess the quality of individual regulation, cognition, and communication.

The qualitative outcomes of today's chemistry education are the traditional and innovative features of the knowledge level, which are made possible by the achievement of various educational outcomes,

technological development, research activities, learning motivation and other self-study standards. The relationship of knowledge, skills, activities, experience and values is a means of building professional integrity. [3]

In the chemistry course, special attention should be paid to the formation of knowledge qualities such as:

- Completeness determined by the number of chemical knowledge objects;

- Precision that characterizes the basic connection between a particular chemical concept and other related concepts;

- Systematization, composition, content, and logic of particular chemical knowledge Provides knowledge about the order.

- Fairy tales of chemistry knowledge of chemistry and other scientific elements in structures similar to the structure of procedures, structures and functional relationships, student work in line with plans: related concepts are the main clauses, and as a result, knowledge Application etc.

- Efficiency to ensure the ability to utilize knowledge in the field of chemistry in applied standard and non-standard situations;

- Flexibility to find flexible ways to apply knowledge in chemistry;

- Generalization is chemistry It is the embodiment of knowledge representation.

- Complete knowledge of chemistry requires a concise and concise expression of knowledge.

- Ideas that provide an understanding of the essence, mechanism and expression of relationships between chemical knowledge, as well as evidence and scope of acquired knowledge.

- Knowledge preservation means that it can be increased and applied as needed.

You can orient yourself by suggesting the importance of building relationships with specific topic areas. Thus, the quality of knowledge in chemistry is a multi-factor methodology.

Based on the educational standards, the purpose and methodology of chemistry are as follows.

- Read the rules for safe handling of substances and first aid in case of injury or poisoning.

- Systematize the basic laws of chemistry and chemical theory within the basic educational program of secondary (complete) general education.

- Master chemical terms and symbols.

- Identification of substances and materials based on external indications and reactions of the most important properties;

- Composition of chemical equations and calculations of various types;

- Capacity of DI Mendeleev's Periodic Table of the Elements;

- Understand the energy characteristics of transformations and the effects of these transformations on optimal conditions.

- Ability to apply knowledge gained while explaining chemical phenomena from daily life, industry, and production of agricultural products to life;

- Explanation of environmentally appropriate behavior patterns;

- Causes and consequences of chemical pollution in the environment, We are developing a way to identify and eliminate the effects on living and human health.

Among the subjects assigned to the level of chemistry education, knowledge and technical expertise:

- Basic level of knowledge and skills:

- Additional studies of natural subjects in secondary and higher vocational institutions Self-study synchronization formation; Occupational characteristics based on the natural sciences;

- In modern society, the importance of chemistry, nature Information and explanations about the role of chemistry and other natural science relationships in this study.

- Master the basics of chemical thermodynamics and chemical kinetics.

- I want to participate in discussions on the subject, write reports, write treatises, and do other creative work.

Requirements for the acquisition quality of knowledge and skills in chemistry in the school curriculum must be grouped in class (8-11)

- Requirements for mastering theoretical materials;

- Requirements for familiarizing yourself with facts;

- Requirements for mastering chemical languages;

- Requirements for applying chemicals

- Atoms-Basics of Molecular Theory Regulations;

- Mass Conservation Law of Substances;

- Molecular Composition, Oxygen, Hydrogen,

Water Properties;

- Chemical Properties of Oxides, Bases, Acids, Salts;

- Modern expressions of periodic law and basic laws

- D. I. Mendeleev's explanation of the periodic law of chemical elements;

- Safe working rules with items and the simplest equipment.

For example, according to the quality of the acquisition of educational materials, the requirements of organic chemistry should be classified into the following knowledge groups:

- The chemical structure of the substance, the most important functional group of the homologous structure isomeric organic substance, single, double, triple, aromatic hydrogen, etc. types of communication, the main provisions of the theory of the electrochemical properties of the substance Electronic polymer structure of organic substances;

- Structure, properties and practical significance of saturated, unsaturated and aromatic hydrocarbons, monocyclic,

- polycyclic alcohols, aldehydes, carbonic esters and fats, glucose and fructose, starch and cellulose, amines and amino acids, proteins.

- Basic concepts in the chemistry of polymeric substances. The most important representative structural properties, properties, acquisition and use of plastics, rubbers and chemical fibers.

- Industrial processing of petroleum and natural gas.

- Rules of safe work on the hazards of toxic fires of organic substances, equipment and organic compounds learned.

It is important to master the school curriculum and acquire material not only in the form of knowledge, but also in the form of skills.

Thus, organic chemistry teaches students to have the skills to:

- Reasons for the diversity of organic matter Material unity of organic and inorganic matter Causal relationship of composition, structure, and properties of matter The development of awareness of the simplest to the deepest is an example.

- Determine the structure of substances according to their properties based on their chemical structure, using logically comparison, analysis, synthesis, systematization and generalization tasks in the study of educational materials.

- Organize the structural formulas of organic substances under study, determine the distribution of electron densities in molecules, and name substances according to modern nomenclature, build reaction equations that characterize the properties of organic substances, and their genetic relationships.

- Determine the properties of carbon, hydrogen and chlorine in organic matter through chemical analysis. [2]

The formation of the above skills in chemistry is related to the achievement of an integrated outcome of general educational value.

- Define the goals and objectives of organizing educational activities and evaluate the results obtained by interacting with groups that have applied information and communication technologies ICT to select generalized and different methods to achieve their goals, and to retrieve chemical information and other information ability to do. [4]

- Preparation of career choices in the world of occupations, the labor market, and the vocational education system. Consider their interests and opportunities.

- Ability to comply with ethics and evaluate the behavior of one's own and others in terms of socio-cultural traditions and moral leadership.

Therefore, the quality of chemistry education in secondary schools can be assessed according to how students perform the above requirements in the process of acquiring textbooks on chemistry. It should be noted that the school curriculum in chemistry determines in part the value relationships that are formed in the chemistry curriculum.

References:

1. Adegboyega M.I, Problems facing teaching and learning of chemistry in secondary school- Oslele Journal of education studies 2010. Vol. 3 p 36-42.
2. Ellis A.K., Fouts J.T. Research on educational innovations. Princeton Junction, 1993. p. 67
Lebedev O.E Quality is the key word of the modern school. Moscow: Education, 2008, p.191
3. Gilmanshina S.I. Professional thinking of a chemistry teacher and its formation / S.I. Gilmanshina. - Kazan: Kazan Publishing House. University, 2005 . p. 204
4. Lebedev O.E Quality is the key word of the modern school. Moscow: Education, 2008, p.191

ACMEOLOGICAL INNOVATIVE TEACHING OF CHEMISTRY

Hagverdiyev Kamil Nasir

*Doctor of Philosophy in Chemistry, Associate Professor
Baku State University, Baku*

Guliyeva Sabina Natig

master

Baku State Universty, Baku

АКМЕО ИННОВАЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ХИМИИ

Ахвердиев Камил Насир оглу

Кандидат химических наук, доцент

Бакинский государственный университет, Баку

Гулиева Сабина Натиг кызы

Магистрант

Бакинский государственный университет, Баку

ABSTRACT

Pedagogical technology envisages the widespread use of creative processes, the development of students' creative activity, and the implementation of planned educational standards through the acquisition of established experience.

The principles of expediency, integration, differentiation, optimization, safety, effective results should be followed when selecting pedagogical technologies and including them in the process of chemical education. The theoretical foundations of modern chemistry methodology are educational technologies, integrative approach, leading ideas, humanization, innovation, new technology and the principles of their implementation. An integrative approach, individual achievement and a methodological approach based on different components are understood. The basis of pedagogical technology is a didactic process with three interrelated components: students' motivation, cognitive activity and the management of this activity. Depending on the initial pedagogical considerations that form the basis of each component of the didactic process, different technologies are obtained, which have a large number of processes. Each student learns and develops in personality-oriented technology. There is an unusual atmosphere of cooperation and mutual assistance in the classroom, there is constant communication in pairs and groups, children do not get tired, there is a constant change of activity, systematic assessment and self-assessment is carried out.

АНОТАЦИЯ

Педагогическая технология предполагает широкое использование творческих процессов, развитие творческой активности студентов, реализацию плановых образовательных стандартов за счет приобретения наработанного опыта. При выборе педагогических технологий и включении их в процесс химического образования необходимо руководствоваться принципами целесообразности, интеграции, дифференциации, оптимизации, безопасности, эффективных результатов. Теоретическими основами современной методологии химии являются образовательные технологии, интегративный подход, ведущие идеи, гуманизация, инновации, новые технологии и принципы их реализации. Понятны интегративный подход, индивидуальные достижения и методологический подход, основанный на разных компонентах. В основе педагогической технологии лежит дидактический процесс с тремя взаимосвязанными компонентами: мотивация студентов, познавательная деятельность и управление этой деятельностью. В зависимости от исходных педагогических соображений, лежащих в основе каждого компонента дидактического процесса, получаются разные технологии, которые имеют большое количество процессов. Каждый ученик учится с помощью личностно-ориентированных технологий. На уроках необычная атмосфера сотрудничества и взаимопомощи, постоянное общение в парах и группах, дети не устают, происходит постоянная смена активности, проводится систематическая оценка и самооценка.

Key words: new technology, pedagogical technology, innovative technology, didactic technology, training, education, development, components, technology features, conditions for the application of technology

Ключевые слова: новая технология, педагогическая технология, инновационная технология, дидактическая технология, обучение, образование, развитие, компоненты, особенности технологии, условия применения технологии

The preconditions of subject teaching technology in chemistry are based on its ability to organize the teaching process controlled by its algorithms. Using technology in teaching does not mean applying effective knowledge management techniques and shaping thinking. Pedagogical technology envisages the widespread use of creative processes, the development of students' creative activity, and the implementation of planned educational standards through the acquisition of established experience.

The principles of expediency, integration, differentiation, optimization, safety, effective results should be followed when selecting pedagogical technologies and including them in the process of chemical education.

The basis of pedagogical technology is a didactic process with three interrelated components: students' motivation, cognitive activity and the management of this activity. Depending on the initial pedagogical considerations that form the basis of each component of the didactic process, different technologies are obtained, which have a large number of processes.

There are three main directions of the use of technology in the teaching of chemistry:

- creation and application of new subject teaching systems meeting technological principles;
- use of evolving pedagogical technologies that provide information in the process of teaching chemistry;
- creation of methodological bases of various technological systems in the consistent study of chemistry.

Features of educational technology. At present, various educational technologies are used in chemistry education. Educational technology is called pedagogical technology used taking into account the characteristics of the subject.

Educational technology is based on the following necessary structural components:

- a new quality goal achieved by technology;
- content, goal development;
- the technological process of education is mainly given to subjects, teachers, students and those taught;
- the technological environment consists of relatively unchanging external factors, including the educational standard, the system of criteria for measuring the quality of the realized goal, the system of indicators and parameters;
- technological conditions: one of the controllable factors, compliance with safety rules, teaching material, psychological, pedagogical, didactic, ergonomic and economic conditions;
- effective result as an indicator of the achieved goal.

Educational technology can be organized on the basis of the following necessary and sufficiently

functional components in accordance with the structural components.

The most important features of educational technology are:

- organization of technology in an expedient form,
- technology forecasting according to the initial and final result,
- creation of multi-level innovative technology management system
- criteria, linking standard technology to monitoring and evaluation,

The use of any educational technology, the expression of goals in the results: the achievement of educational goals, the optimization of the teaching process, requires students to have planning skills, chemical knowledge, and creative experience of the new generation.

The most important conditions for achieving the planned results are:

- modern educational standard;
- relevant educational technology used by the teacher;
- stages of operation of technological components: monitoring of processes and means;
- students' independence and creative activity;
- application of step-by-step integrative quality measurement techniques, obtained results.

The theoretical foundations of modern chemistry methodology are educational technologies, integrative approach, leading ideas, humanization, innovation, new technology and the principles of their implementation. An integrative approach, individual achievement and a methodological approach based on different components are understood.

Based on values, the correct definition of the topic outcomes is associated with the development of the human factor. Innovation is the application of new ideas, activities, innovations and tools to the educational process. The new technology covers the use of modern traditional and non-traditional technologies in the process of chemical education. Principles such as purposefulness, optimality, integration, complexity, manageability, and effective results should be guided in the selection of educational technologies and their inclusion in the chemical education process.

There are various forms of educational technologies used in the process of teaching chemistry in primary and secondary schools. It is important for the future teacher to know the features of modern educational technologies:

- explained,
- problematic,
- integrative module,
- algorithmic,
- personality oriented,
- entertaining,

- rating,
- innovative,
- interactive,
- distinguished by an integrative form,
- informed and relevant,
- lectures and seminars,
- combined,
- interactive,
- control and regulation;
- adapted to compensation,
- natural contact,
- full mastery of knowledge,
- feedback,
- discussion training, etc. [2]

2. To identify significant differences in education, technology must answer two or three questions:

- What is the purpose of this technology?
- What are its special means, methods, processes, techniques?
- What are the main features?

Advanced educational technologies are used in the practice of chemistry education in modern schools.

Problem-based learning (PT) is a purposeful educational process based on the joint activities of teachers and students, characterized by the initiative and implementation of educational problems. Problem-based learning technology has its own characteristics. The features of problem-based learning are related to the problem situation, the problem of education, creative activity, independent search. The problem situation, the state of intellectual difficulty encountered by students in solving cognitive tasks in new ways of knowledge and activity are understood, conditions are created for motivation and optimal activity, easily managed educational process continues.

Psychologists distinguish three main components in the structure of the problem situation:

- identification of contradictions that play the role of the driving force of the cognitive process;
- correct determination of the motive for action to resolve the conflict;
- creativity and existing life experience in students' intellectual cognitive activity.

The problem of education is a special form of the unknown cognitive task, which contains contradictions that motivate students to search and motivate their creative activity.

The problem arises in the minds of students in a contradictory situation. Realizing the problem of education means going beyond the boundaries of existing knowledge and realizing one's own ignorance.

Students' creative activity is subjectively associated with the search for and discovery of new knowledge and methods of action through the formation and solution of theoretical, practical and other educational problems.

Technology of problem-based teaching in chemistry In the process of studying chemistry, it is important to know the cases of problem situations and their solutions. The problem situation arises in the following cases:

- encourages students to seek new knowledge;
- when there is a need to explain the experimental facts observed;
- based on the theory, with the help of the teacher, the students confirm the accuracy by experience;
- students do not understand and express everything as it is before discussing the problem. Wrong decisions are corrected through discussion;
- experimental facts and the end result are known, but it is necessary to suggest ways to solve the problem with the most rational choice;
- it is important that students solve non-standard creative problems.

Problem-based learning technology is divided into special stages:

- organization of students' mastery of the problem of education by updating their existing knowledge and skills;
- creating a problematic situation;
- formation of the educational problem in the form of cognitive task;
- make a plan to make a hypothesis and test it;
- an advanced hypothesis to solve a learning problem by confirming or denying you;
- experimental confirmation of the correctness of the solution; self-reflection and self-assessment of activities. [3]

In problem-based chemistry teaching technology, it is advisable to use the methods recommended and grouped below.

Problem presentation methods - problem-based teaching methods used by the teacher are monologue presentation, dialogical presentation and demonstration presentation.

Methods of independent search activities are problem-based learning methods performed by students: heuristic, research, research projects, research, search chemistry experiment, etc.

The peculiarity of the technology of problem-based teaching of chemistry is that it focuses on the solution of humanization tasks, the development of intellectual and creative abilities, as well as the motivation of students and the moral qualities of personality. Let's open the essence of technology with an example learned from the experience of a chemistry teacher. The teacher sees the following as the main contradictions in the school. It seems that a small number of students create excellent conditions for the development of each student, to achieve high educational results, but in practice this is not the case.

The majority of students in small schools are below the level of urban peers in terms of both development and knowledge. At first glance, it seems that the reason for this is that the level of teaching is not high enough, because the teacher teaches several subjects without proper education, but not everything is so simple. Many teachers have higher education and extensive work experience, in addition to the material base, many rural schools do not lag behind urban schools.

The main reason is the insufficient development of teaching and educational methods in schools and the use of methods of working with large classes. This leads to a greater psychological burden on students due to daily questioning, lack of communication, loss of cognitive interests, which affects the teacher: he loses interest in the profession because students have a low level of preparation. [1]

The main problem of the school is to create an easy environment for cooperation between the teacher and the students, to organize the students in such a way as to increase their interest in the subject. Didactic games should be widely used in student-oriented learning technology. Didactic games often help to turn the lesson from boring to interesting activities, increase the ease of the learning process and lift the spirits of teachers and students.

The use of modeling and chemical experiments allows not only to develop students' skills, but also to organize the discussion of teaching materials, to prepare joint results. However, a "global" solution to the problem can be achieved not only with chemistry lessons, but also with a person-centered organization of the entire educational process. With a person-centered organization of the learning process, lessons become more interesting, students become more independent, and joint activities become more effective.

Student-oriented learning technology consists of three stages that are characteristic of each type of activity:

1. The motivational stage where the goal of education is set, the way to achieve it in the process of joint activity is planned, at the same time learning is motivated. At this stage, the questions are solved: where are we? Where are we going? Why and what do you need to learn? How can this be done?

2. The operational and execution phase in which the planned plan is implemented, the results are discussed and modeled.

3. The reflexive-evaluation stage, in which the results are evaluated, self-assessed, and new problems arise to solve them. At this stage, the questions are clarified: have we reached the goal? How did I achieve

this? Can I do it alone? Where are we now? Where are we going? How can this be done?

In this technology, every part of the lesson is everyone's business. The role of the teacher is the optimal organization of students' self-education activities. Students learn new things independently and creatively, step by step, subjectively, discuss the results, compare the results with others. Each student learns and develops in personality-oriented technology. There is an unusual atmosphere of cooperation and mutual assistance in the classroom, there is constant communication in pairs and groups, children do not get tired, there is a constant change of activity, systematic assessment and self-assessment is carried out. [4]

Personality-oriented (developmental) chemistry teaching technology requires a teacher to be completely selfless, creative approach to work and love for children, respect for everyone's personality. When a chemistry teacher puts all his energy into his work, it is easier to get the expected result.

An important outcome of student-centered learning is confidence in each student's abilities and skills. Gradually, students develop the skills of universal learning to express ideas in the form of judgment, to compare independently, to determine the basis of the material studied, to give definitions, to accept the world as a whole, and so on.

References:

1. Beresneva E.V. Modern technology of teaching chemistry: Textbook - M. Centrhimpress, 2004, p. 144

2. Innovative processes in science and education based on integrative competence-based approach / Under the scientific editorship of prof. M.S. Pak. – Kirov 2007.

3. Innovative processes in the field of chemical and pedagogical education. - Orenburg: Publishing house of the OGPU, 2009.

4. Zagvyazinsky V.I. Learning theory: Modern interpretation: Textbook for universities. 3rd ed. M. Academy 2006, 192 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОЧЕРНЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

*Баглюк Сергей Борисович,
кандидат филос. наук, доцент,
Академия постдипломного образования
Федерального государственного бюджетного учреждения
«Федеральный научно-клинический центр специализированных видов
медицинской помощи и медицинских технологий
Федерального медико-биологического агентства»,
г. Москва*

DENIGRATION AS AN ELEMENT OF INFORMATION WARFARE

*Sergey Baglyuk,
candidate of Philos. Sciences, associate
Professor, Academy of postgraduate education of
the Federal state budget institutions
"Federal scientific and clinical center for specialized types of
medical care and medical technologies of
the Federal medical-biological Agency",
Moscow*

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассмотрены способы трансформации общественных настроений от нейтральных до негативных посредством направленного воздействия определенным образом препарированной информации, поступающей к массовым аудиториям из различных медиа-ресурсов. С привлечением отдельных методов социальной психологии, герменевтики и семиотики раскрываются механизмы формирования убеждений, точек зрения, представлений и их изменений под воздействием СМИ. Далее, выводы указывают на актуальность детального изучения методов информационной работы с массовыми аудиториями, что позволяет формулировать рационально-критический подход и на индивидуальном, и общем социокультурном уровнях к тенденциозно представленной информации.

ABSTRACT

In this paper, we consider the ways of transforming public attitudes from neutral to negative through the directed influence of certain prepared information coming to mass audiences from various media resources. With the involvement of certain methods of social psychology, hermeneutics and semiotics, the mechanisms of formation of beliefs, points of view, ideas and their changes under the influence of the media are revealed. Further, the conclusions indicate the relevance of a detailed study of the methods of information work with mass audiences, which allows us to formulate a rational and critical approach both at the individual and general socio-cultural levels to tendentiously presented information.

Ключевые слова: информационная война, очернение, СМИ, язык вражды, коммуникация, установка, идеология, ценности

Keywords: information war, denigration, mass media, hate speech, communication, attitude, ideology, values

Ряд обстоятельств развития современных информационных технологий делает многообразный контент, циркулирующий в пестрой медиа-среде, трудно сводимым к какой-либо однозначной интерпретации. Среди таких обстоятельств можно назвать высокий уровень воздействия на массовые настроения того, что скрывается за широко известной аббревиатурой «www». Всемирная паутина крайне сегментирована: блогосфера; интернет-сообщества; социальные сети; чаты; мессенджеры и т. д. Количество всевозможных жанров и направлений, в рамках которых каждый может стать экспертом, корреспондентом, фотографом, разумеется, блогером, только возрастает. Вместе с тем, такой каскад всевозможных источников информации не является хаотичным, поддаваясь

вполне четкому управлению и структурированию. И, несмотря на то, что все традиционные СМИ продублированы в интернете, битва за аудиторию только возрастает, поскольку функции, ранее зарезервированные исключительно за привычными медиа в формах телевидения, радиовещания и печати, может выполнять любой пользователь сети, организовав, напр., веб-трансляцию, выложив видеозапись на соответствующий ресурс или создав собственный блог.

Возникает ситуация, в которой подача информации значит больше, чем её содержание. Это означает, что подлинность факта, освещаемого в тех или иных информационных источниках, отходит на второй план. Гораздо важнее шокировать, оглушить потенциального или актуального зрителя неожиданным и

выбивающимся из привычных трактовок комментарием. Там, где объективная информация значит всё меньше, и начинается информационная война, понимаемая как «борьба «за умы и сердца людей» с помощью «направленной» информации» [7, С. 400]. Причем, можно заметить, что корректнее говорить об информационных войнах, которые ведут между собой медиа-ресурсы в борьбе за своего потребителя, страны и государства в борьбе за свою идентичность на фоне глобального шествия вестернизации, заказчики и производители рекламного контента в борьбе за внимание целевой аудитории.

Далее, в основном фокусе данной работы будет рассмотрена та разновидность информационных войн, которая отражает в своих форме и содержании противостояние различных вариантов культурно-исторического опыта, зафиксированного в национальном и социокультурном своеобразии каждого государства. Сущность и цель войны такого типа и направленности – подавление иного уникального мира, представленного традициями какого-либо народа и навязывание собственной точки зрения, которая беспартийно объявляется более прогрессивной, нежели та, что требует изменения. С чего начинается подобная атака на страну и культуру? С целой серии коммуникативных тактических шагов, основной задачей которых становятся зерна сомнений, их требуется заронить в души людей, но чаще не всего населения, а акцентировано молодого поколения. В целом данные коммуникативные элементы вписываются в стратегию вербальной дискриминации, включающей демонстрацию превосходства над оппонентом; вербальную дискредитацию, заключающуюся в подрыве авторитета оппонента и его словесном унижении; уклонение, уход от ответа и игнорирование, направленные на саботирование условного собеседника; открытое негативное реагирование; моральное уничтожение [6, С. 103]. Подобная стратегия предполагает следующие тактические приемы: угроза, грубый приказ, оскорбление, отказ, обвинение, очернение, обличение, провокация, дистанцирование, игнорирование, создание эмоциональной напряженности, демонстрация обиды, апелляция к негативным чувствам, анализ-минус [6, С. 103].

Обращает на себя внимание то, что здесь не существует строгих границ, отделяющих стратегию дискриминации и её компоненты от включенных в неё тактик, причем сами тактические составляющие в значительной степени перекрывают друг друга и взаимозаменяемы, поскольку переключаются по смыслу. Вследствие этого, тактика очернения включает в себя в той или иной степени все остальные приемы, запускающие процесс конфронтации точек зрения, взглядов, мнений, убеждений и т. д. Особыми качествами обладает отмеченный выше анализ-минус, т. е. прием, претендующий на беспристрастное изучение какого-либо объекта, но реализующим исследовательскую модель, указывая только на

отрицательные черты изучаемой сферы. В результате оказывается, что подвергшаяся анализу-минус область вообще лишена нейтральных и, тем более, позитивных характеристик. В качестве примера можно привести многочисленные «альтернативные» точки зрения на Вторую Мировую и, соответственно, Великую Отечественную войну. Обилие попыток пересмотра этой рукотворной катастрофы сер. XX в. привело к формированию целой серии мифов [4, С. 54-58], циркулирующих с подачи западных и прозападных идеологов в том числе и в современных российских СМИ.

В данном случае очень важно не снижать давление на ту аудиторию, которая стала мишенью для информационных атак, поэтому следует постоянно развенчивать уже сложившиеся и устойчивые представления об исторических личностях этого периода истории. Причем, этот процесс ниспровержения героев войны в прямом смысле означает снос памятников на территориях некоторых стран, бывших когда-то республиками в составе СССР, или частью стран Варшавского Договора, в переносном, настойчивое сведение всех решений, приказов, действий, публичных выступлений выдающихся представителей отечественной истории военного периода к декларации ими милитаристских, кровожадных, агрессивных устремлений и намерений. В частности, можно указать опубликованную недавно работу американского автора Ш. МакМикина (McMeekin) «Война Сталина», в которой прямо указывается на главную, исключительную и неоспоримую, по мнению МакМикина, ответственность И.В. Сталина за все ужасы Второй Мировой войны, а роль Гитлера в них малозначимая и второстепенная [8, Р. 10-15]. Вдобавок, автор этого исследования приводит большое количество цитат из прямой речи Сталина, в которых тот буквально в каждой фразе подчеркивает готовность развязать войну по малейшему поводу, сравнивая СССР с «кровожадным хищником, сгорающим от нетерпения перед захватом добычи» [8, Р. 19]. Однако, автор крайне туманно подтверждает ссылками на источники данные цитаты, при внимательном изучении аппарата ссылок оказывается, что приведенное выше высказывание процитировано с чужих слов, очевидцев, лично присутствовавших и слышавших от Сталина такие слова.

Таким образом, произвольный пересказ становится твердым фактом, и, если работа, претендующая на статус фундаментального исторического исследования, выдает малоубедительные при внимательном чтении данные за неоспоримый факт, то, что можно сказать о материалах, циркулирующих в СМИ на эту же тематику? Важно заметить, что общий пафос установления подлинной истины, свойственный подобным материалам, подаваемый как долг перед жертвами колоссальной трагедии [8, Р. 15], должен переключить фокус восприятия с рационального на

эмоциональное, в котором критический подход к изучению представленной информации отходит на задний план либо исчезает вообще. И здесь к комплексу стратегий и тактик информационной войны подключаются коммуникативные процедуры, позволяющие нанести удар по сложившимся установкам и связанным с ними убеждениям. Прямолинейное воздействие исключено, потому что установка блокирует информацию, нерелевантную самой установке. Поэтому здесь приходится обходиться без «грубых приказов», «отказов», «демонстрации обиды» и т. п., а вот «апелляция к негативным эмоциям» может сработать при целенаправленном создании определенных условий восприятия информации.

То, каким образом формируются установки, конечно, требует отдельного исследовательского внимания, но для ясности того, о чем пойдет далее речь, отметим, что «установка – это психологическая тенденция, которая выражается через оценивание заслуживающих внимание объектов с определенной степенью расположения или неприязни... Оценки эти касаются всех категорий оцениваемых реакций, являются ли они открытыми или скрытыми, когнитивными, аффективными или поведенческими» [5, С. 230]. Итак, установка включает три компонента – аффективный (эмоции по отношению к объекту установки); когнитивный (убеждения, мнения, идеи по отношению к объекту установки); поведенческий (мотивы и цели поведения или склонности к определенным поступкам) [5, С. 230]. Положительные установки, касающиеся оценок собственного исторического и культурного опыта, ценностей, традиций, становятся главной мишенью в информационной войне. Как изменить отношение к национальной истории и её героям с положительного и объединяющего на отрицательное и конфронтационное? В решении этого вопроса применимы, по крайней мере, два социально-психологических подхода, сознательно или нет используемых в западных и прозападных информационных источниках, нацеленных на причинение вреда тем культурам и народам, на чьё общественное сознание они стремятся воздействовать.

Первый социально-психологический подход сформулирован американскими авторами Р. Петти и Дж. Качиоппо – модель уточнения вероятности [2, С. 284-286]. Смысл этой концепции в выделении двух способов обработки информации, которые мы используем при знакомстве новым содержанием, сообщением или серией сообщений, которые требуется проработать для формирования отношения к данным, которые ранее не были нам известны. По мнению авторов, существует два способа проработать сообщение, т. е. обдумать аргументы, содержащиеся в убеждающей коммуникации. Р. Петти и Дж. Качиоппо считают, что необходимость определиться с отношением к новой информации вызывает именно стремление коммуникатора убедить аудиторию в актуальности принятия его точки зрения, в противном случае мы

имеем дело с информирующей, а не убеждающей коммуникацией. Информационная коммуникация нейтральна, не призывает к ней прислушиваться и уж тем более менять поведение в соответствии со смыслом передаваемой информации.

Первый способ сформировать свою точку зрения по отношению к предлагаемой – центральный путь, т. е. когнитивная обработка, включающая тщательное изучение содержания [2, С. 284]. Данный способ включает когнитивную составляющую установки, позволяющую взвешенно подходить к новым данным и анализировать их элементы для более точного познания того, о чем идет речь. Второй способ – периферический путь, поверхностный мыслительный процесс, в ходе которого кто-либо принимает или отвергает сообщение, основываясь на нерелевантных знаках [2, С. 285]. Другими словами, этот способ задействует аффективную сторону установки, актуализируя простые эмоциональные дихотомии: «нравится/не нравится»; «приятно/неприятно»; «выгодно/невыгодно». Хотя последнее требует вдобавок ещё и прагматичного подхода к возможным результатам принятия предлагаемых убеждений: материальный достаток; статусное преимущество; одобрение в коллективе и т. п. Среди убеждающих стратегий, позволяющих в обход центрального, двигаться в процессе убеждения по периферийному пути в намерении изменить чьи-либо имеющиеся установки, выделяются следующие [2, С. 285]: взаимность/взаимодействие («вы должны поверить, что...»); «данная точка зрения заслуживает внимания...»; «такое мнение невозможно игнорировать (или вариант – обойти стороной)...»; последовательность («принято считать, что...»); «существует позиция, с которой трудно спорить...»; «самым разумным будет вывод...»; «здесь напрашивается очевидное решение...»; социальное доказательство («общемировая практика диктует в подобной ситуации...»); «в конце концов, здравый смысл подсказывает...»; «опыт поколений в этом вопросе нельзя игнорировать»; «самым распространенным способом выхода из данной ситуации будет...»; симпатия («достаточно привлекательной выглядит точка зрения...»); «данную благородную позицию нельзя не приветствовать...»; «что может быть прекраснее, чем слова, сказанные...»; авторитет («трудно спорить с мнением уважаемых экспертов...»); «ряд признанных профессионалов в рассматриваемой сфере утверждают...»; «выдающиеся деятели в соответствующей области в один голос утверждают...»; «лидеры современного мира согласны, что...»; дефицит времени («без долгих раздумий решайте, на чьей вы стороне...»); «нельзя ждать вечно, действуйте быстрее...»; «не затягивайте с выбором, не упускайте момент...»; «пожалуйста, придите к заключению как можно скорее, а то окружающие ждут...»).

Можно отметить, что периферический путь к достижению цели – изменить сложившееся мнение, убеждение, установку, старательно обходит рационально-критические фильтры, присущие детальной интеллектуальной обработке информации. Следовательно, акцент на аффективную установочную составляющую требует максимально усилить положительный эмоциональный фон результата выбора предлагаемой точки зрения, и, наоборот, перегрузить отрицательными характеристиками (очернить) упорное желание аудитории придерживаться устоявшихся взглядов. В ход идут преувеличения: «дремучий», «глухой», «непробиваемый» консерватизм; «бестолковое», «узколобое», «беспросветное» ностальгирование (по прошлому), «избыточная», «нелогичная», «абсурдная» тяга к охранительству и «бездумная» романтизация всего отжившего. И всё это в противоположность динамичному, интенсивному, неизбежному шествию по пути прогресса; открытости новым веяниям и свободному принятию конструктивного реформизма; отказу от средневековой отсталости и смелому индивидуальному выбору быть самим собой. Если принимать во внимание декларируемый неозволюционизм вт. пол XX в. факт, что существуют всеобщие для каждой культуры критерии уровня перспективного развития [3, С. 545], то покажется совершенно очевидной неизбежность культурно-исторического движения всего человечества по пути, почти полностью идентичному тому, что проходит западная цивилизация. Следовательно, согласно этой концепции, только такое направление исторической динамики и имеет подлинную ценность, в отличие от того, что в эту логику не вписывается.

Для того, чтобы переломить в свою пользу стремление значительной части культур и народов к сохранению и поддержанию традиционных ценностных основ культурного наследия прошлого, используется глобальная сеть медиа-ресурсов от печати до интернета. Оказывается, недостаточно простой декларации того, что вместе с вестернизацией каждое государство получает лишь преимущества, ведь установки придерживаться привычных и устойчивых для какого-либо общества представлений и убеждений, будучи трехсоставными, невозможно сломать. В этом случае применим способ, предложенный Л. Фестингером в его теории когнитивного диссонанса [2, С. 299-307].

Фестингер предполагал, что острый эмоциональный дискомфорт, вызываемый рассогласованием между имеющимися в наличии убеждениями и информацией, которая им противоречит, можно урегулировать тремя путями. Первый – селективная экспозиция, т. е. стремление избегать информации, диссонансирующей с собственными установками. Напр., выбирать те источники в СМИ, которые предлагают материалы, комментарии, аналитические программы с

мнениями, по преимуществу, совпадающими с личной позицией кого-либо. Второй – диссонанс после принятия решения, означающий переживания, испытываемые в случае уже сделанного выбора, но с осознанием того факта, что выбор возможно оказался поспешным, и существовали более привлекательные альтернативы. По мнению Фестингера, тот, кто столкнулся с подобным обстоятельством, убеждает себя в выгодах принятого решения так, чтобы в его глазах данные выгоды были более значительными, чем остальные варианты. И третий путь, наиболее парадоксальный, – минимальное обоснование, формулируя который Фестингер переворачивает устоявшуюся в социальной психологии последовательность, утверждающую, что установка предшествует поведению. Для того, чтобы добиться не просто публичного подчинения, а изменения на индивидуальном уровне, лучшим способом будет предложить достаточное вознаграждение или наказание, которое приведет к искреннему согласию [2, С. 306]. Другими словами, изменить установку кого-либо можно предоставив достаточный стимул, чтобы спровоцировать поведение, противоречащее исходной установке [2, С. 306]. При всей обтекаемости формулировки, основным здесь является то, о чем шла речь в модели уточнения вероятности – следовать для достижения цели периферическим путем, т. е. предложить очевидные выгоды при изменении поведения или убеждения. Поскольку эти выгоды измеримы материально, то всё дело в банальном подкупе. Последнее подтверждается в поставленном Фестингером в коллегой экспериментом: «Солгал бы я за доллар?» [2, С. 306-308]. Если испытуемый придерживался исходной установки «не лгать», экспериментаторы поднимали ставки: «Не будете лгать за доллар? А за два? Три? Двадцать?» и т.д., пока испытуемый не сдавался и соглашался пойти навстречу.

Конечно, следует учитывать, все указанные способы убеждения не применяются по отдельности. Для усиления эффекта их можно сочетать в различных пропорциях, в зависимости от обстоятельств. И при этом, постоянно подчеркивать плюсы от навязываемой точки зрения и минусы той, которую требуется изменить. В этих целях подключается ещё один компонент, близкий тому, что касается очернения, – язык вражды (hate speech) [1, С. 428-430]. Суть данного феномена в постоянном риторическом давлении на оппонента, т. е. в том, к чему (или к кому) требуется вызвать негативные эмоции, всё должно быть плохо. Этот подход, конечно без крайних форм, более актуальных в полемике пользователей социальных сетей, в значительной степени реализован в указанной выше работе Ш. МакМикина, в которой И.В. Сталин представлен исчадием ада, в котором лишь едва угадывается человеческий облик.

Подводя итоги можно отметить следующее:

- Информационные войны стали частью не только реальности, представленной в масс-медиа, но существенной составляющей международной

повестки дня. Противостояние национальных интересов, идеологий, культурно-исторического опыта стало повседневным фоном отношений между странами и народами;

- Борьба за доминирование мировоззрения, представленного «коллективным Западом», в противоположность стремлению к самобытности культур, не испытывающих желания сдаваться вестернизации, требует привлечения не только передовых информационных технологий, но и эффективных способов убеждения и воздействия на общественное сознание;

- Для результативного отражения масштабных информационных атак требуется знать, как работают механизмы трансформации установок, мнений и точек зрения. Это позволяет применять для анализа и изучения вредоносного контента рационально-критические процедуры, блокирующие негативное эмоциональное воздействие на аффективную установочную составляющую;

- Также можно отметить, что рациональный, последовательный и поступательный подход к исследованию содержания информации в медиа-среде позволяет распознать завуалированные под объективные исследования тенденциозные, понимаемые в широком смысле, сообщения, тексты и материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гликина А.В., Анисина Н.В. Анализ «языка вражды» в текстах Интернет-СМИ // Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием. Лучшие доклады. 2018. – СПб.: Издательство: Федеральное

государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого" (Санкт-Петербург), 2018.

2. Гриффин Эм. Коммуникация: теории и практики. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015 – 688 с.

3. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. - 640 с.

4. Пенкина О.В., Потапов А.Е., Шахторин А.А. Мифы и факты о Великой Отечественной войне // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Учредители: Издательский дом ХОРС (Краснодар), 2021. - № 3.

5. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 688 С.

6. Трофимова В.А. Дискурсивные средства реализации нарушения максим одобрения и симпатии в речевой модели коммуникативного давления // Филологический аспект. – Нижний Новгород: Учредители: Плесканюк Татьяна Николаевна (Нижний Новгород), 2021. - №02 (70).

7. Фефилов Ф.А. Роль средств массовой информации в межкультурной коммуникации / Лингводидактика и межкультурная коммуникация: актуальные вопросы и перспективы исследования. Сборник научных статей. Ответственные редакторы Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары, 2018. – Чебоксары: Издательство: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (Чебоксары), 2018

8. McMeekin S. Stalin's War. A New History of World War II. – New York: Basic Books, 2021. – 924 P.

ДЕМОНИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Баглюк Сергей Борисович,

кандидат филос. наук, доцент,

Академия постдипломного образования

Федерального государственного бюджетного учреждения

«Федеральный научно-клинический центр специализированных видов

медицинской помощи и медицинских технологий

Федерального медико-биологического агентства»,

г. Москва

DEMONIZATION AS AN ELEMENT OF INFORMATION WARFARE

Sergey Baglyuk,

candidate of Philos. Sciences, associate

Professor, Academy of postgraduate education of

the Federal state budget institutions

"Federal scientific and clinical center for specialized types of

medical care and medical technologies of

the Federal medical-biological Agency",

Moscow

АННОТАЦИЯ

Данная работа рассматривает методологию препарирования информации в современной массовой культуре. С привлечением контент-анализа, герменевтики и семиотики раскрываются механизмы формирования односторонних взглядов и представлений, закрепляемых в общественном сознании под воздействием медиа-ресурсов. Далее, формулируются выводы, в которых утверждается важность

изучения методов информационной работы с массовыми аудиториями для противодействия и на индивидуальном мировоззренческом, и на макросоциальном уровнях навязыванию западными и прозападными СМИ негативных эмоциональных оценок, касающихся отечественного современного и исторического социокультурного опыта.

ABSTRACT

This work examines the methodology of information preparation in modern mass culture. With the involvement of content analysis, hermeneutics and semiotics, the mechanisms of the formation of one-sided views and ideas that are fixed in the public consciousness under the influence of media resources are revealed. Further, the conclusions are formulated, which affirm the importance of studying methods of information work with mass audiences to counteract both at the individual ideological and macro-social levels the imposition of negative emotional assessments by Western and pro-Western media concerning the domestic modern and historical socio-cultural experience.

Ключевые слова: массовая культура, СМИ, демонизация, информационная война, идеология, ценности, коммуникация.

Keywords: mass culture, mass media, demonization, information war, ideology, values, communication.

Начиная рассматривать способы формирования, поддержания и трансформации массовых настроений, влияющих на оценки тех или иных явлений, событий, процессов, следует обратить внимание на принципиальные ценностные установки, которые продвигаются СМИ на самые широкие аудитории. И здесь речь может идти не о ряде конкретных информационных агентств какой-либо страны, а о всемирном феномене воздействия на мысли, чувства, поступки людей посредством всемирной сети. Не будет открытием то, что любые «классические» медиа – ТВ, радио, печать - продублированы в интернете. Это логически неизбежное продолжение развития информационных технологий и возможностей. В данном аспекте появляется первая из декларируемых ценностей глобализации (идентичной процессам вестернизации), имеющей не только экономическое, но и в целом мировоззренческое основание, - свобода информации [4, С. 69]. Отсюда делается латентно подразумеваемый вывод о свободном мире, равных для всех возможностях, неизбежности для всех государств политики открытости. Можно задать вопрос – кто именно предлагает подобную взаимосвязанную цепь выводов?

Ответ находится в принципах управления мировыми медиа-ресурсами. Основа контроля, а для СМИ, как и для многих других структур и организаций, управление равняется контролю, заключается в формировании повестки дня посредством подбора контента для аудитории. Чередуя развлекательные и художественные компоненты программы, новостные и аналитические информационные блоки, акцентируя «правильную» интерпретацию в противовес «неправильной» моделируются соответствующие зрительские оценки и реакции. Причем это касается не только, «объективности» и «беспристрастности» новостей и аналитики, но и других жанров: напр., юмор должен вызывать смех, и поэтому зрительский хохот сопровождает нужные места выступлений артистов. Так постепенно аудитории внушается – реагируй так же, как реагируют остальные; будь в контексте передаваемых настроения и атмосферы. Если можно внушить, где смешно, а где нет, то почему

не применить этот подход к другим составляющим информации, циркулирующей в масс-медиа? Для этого требуется нечто в виде универсальной ценностной шкалы, с которой соизмеряется всё, что предлагают СМИ в качестве главных событий дня, недели, месяца и т. д. И в современном мире таким непреложным основанием для интерпретации всего, имеющего отношение к «правильным» оценкам любых фактов и событий стали права человека.

Вряд ли кто-нибудь в сегодняшнем вестернизированном мире вступит в полемику по поводу прав на жизнь, свободу, достоинство, неприкосновенность личности, свободу мнений, убеждений, автономии личности, прав на участие в управлении государством [1]. Вместе с тем, этот перечень создан не абстрактным человеческим интеллектом и не является производным от ноосферы. Идеи Дж. Локка и представителей французского Просвещения о естественных правах общепризнаны в качестве отправной точки в развитии этой концепции всеобщности ряда фундаментальных ценностей для человечества. Следовательно, представления о правах человека стали продуктом интеллектуальной деятельности западноевропейских мыслителей и политиков. С течением времени к уже обозначенным выше ценностным ориентирам добавляются представления о прогрессивности тех, кто активно продвигает данные идеи не только внутри собственных национальных границ, но и за их пределами. Права человека, соединенные с представлением об их передовом значении для всех и каждого, становятся символом западного мира и одновременно прикрытием для вторжения в те страны, где местные традиции и уклад значительно отличается от привычного европейцам.

Идеи и ценности нейтральны до тех пор, пока имеют альтернативы для обсуждения и дискуссии, если они навязываются как историческая неизбежность, то становятся идеологией. К правам человека и связанном с ними, по крайней мере, для европеизированного сознания, историческим прогрессом для тех культур, которые принимают эти правила, также идеологически присоединяются: базирующиеся на научном знании технологии и производства;

демократический политический режим; универсалистская система юридических законов; достижение определенного социального статуса путем личных усилий, сменившее предписанность его по рождению; рационализация социокультурной жизни, сменившая её мифологизацию; универсалистское мировоззрение, сменившее партикуляристское [4, С. 545]. Эти параметры также считаются значимыми шагами для каждой культуры и страны на пути общей эволюции [4, С. 545]. И для того, чтобы представить массовой, в пределе мировой аудитории, этот образ неизбежного эволюционного будущего, требуется более мрачная и ужасающая альтернатива. Таковой становятся деспотия, агрессия, непрозрачность внутривнутриполитического государственного механизма, репрессии в отношении своего народа, и «волшебное слово» для обвинений со стороны прозападных «прогрессивных» идеологов – коррупция.

Если представить современный мир, поделенный на светлую и темную сторону, то мы возвращаемся в архаичные времена господства мифологического сознания, для которого не существует обоснованной аргументации, фактологической поддержки любого резкого публичного заявления и тщательной проверки информации, перед тем, как предложить её обществу в качестве достоверной. И вот уже одна из прогрессивных черт эволюционно продвинутой культуры – рационализация, постепенно исчезает, уступая место возвращению в прошлое. Поступательным продолжением этого обратного исторического движения к мифу становится внимательный поиск наиболее эффективных способов воздействия на аудиторию с целью вызвать совпадающие с предлагаемыми ангажированными СМИ оценки и реакции. Для этого следует обратиться к биологической стороне человечества – инстинктам. Известно, что существуют три основных инстинкта – голод, страх и секс, в более расширенной трактовке – четыре чувства, где добавляется тщеславие, а секс заменен на любовь [4, С. 485]. Поэтому привлечь внимание масс становится возможным при акценте именно данных единиц информационного контента, а это, в свою очередь и запускает метод демонизации тех, кто не разделяет продвигаемый затем ценностный ассортимент. При этом, важно не упускать из вида, что предполагаемые для всех одни и те же ценности, не должны сразу подаваться как образцы добродетели. Перед их запуском в массовый социокультурный оборот, требуется отрицательная альтернатива по отношению к таким ценностям.

Тогда наступает время для подключения непосредственно процедуры демонизации, в крайнем выражении ставящей целью вызвать ужас и отвращение относительно той стороны, на которую и направлен этот механизм. Вместе с тем, не следует представлять тенденциозную характеристику со знаком «минус» только как подготовленный эмоциональный комментарий на правах личного мнения комментатора или

участника ток-шоу. Для продолжительного действия, не синоминутного, требуется более организованный подход, который и реализуется в формате информационной войны. Отвлекаясь от технико-технологической составляющей, обратим здесь внимание на идеологический аспект. Возможность представить кого-либо в невыгодном свете является одним из важнейших инструментов воздействия СМИ. Это связано с тем, что негативное восприятие, а вместе с ним и негативная установка, имеют тенденцию сохраняться надолго [7, С. 77]. Если сообщить о том, что ряду освещаемых в масс-медиа событиях можно приписать лишь положительные коннотации, они не вызовут ожидаемой общественной реакции, т. е. возмущения, осуждения, шока, и не запомнятся. В отличие от череды скандалов. Поэтому и настолько употребимы в медиа-дискурсе словосочетания: «скандальное видео»; «шокирующие кадры»; «резонансный комментарий»; «общественное возмущение» и т. п. В дополнение к методологии формирования массовых реакций СМИ задействуют апелляции к общечеловеческим ценностям, которые выступают главным критерием для сравнения на соответствие тех или иных событий принципам гуманности. Так воспроизводится уже прекрасно известная в мировой культуре модель оппозиции добра и зла [8, С. 61-62], апплицируемая на различные сферы социокультурной действительности.

Что касается формирования определенных и желаемых для ряда заинтересованных представителей внешних по отношению к какой-либо культуре или стране властных и силовых структур медиа-эффектов, то главным критерием для закрепления информационных воздействий становится т. н. фрейминг в составе четырех компонентов: отбора, акцентирования, исключения и уточнения [3, С. 508-509]. Причем, важно отметить, что тематическая палитра, охватываемая СМИ, может быть самой разнообразной - от светской хроники и сплетен до деятельности государственных учреждений. Во всем этом калейдоскопе требуется сделать первый шаг, отмеченный выше - отбор, т. е. внимание сосредотачивается на тематически связанных атрибутах [3, С. 508-509], относимых к освещаемому вопросу или спектру вопросов. Что рассматривается, таким образом, является второстепенным, более значимым становится то, как рассматривается избранная для трансляции на массовые аудитории информация.

В качестве примера здесь наиболее наглядно предстает образ России в современных западных или прозападных медиа-источниках. Тот факт, что зрителям и слушателям данных информационных агентств навязывается не просто отрицательные оценочные критерии по отношению к РФ и лично к президенту страны, но агрессивно-отрицательные, указывает на реализацию всех этапов фрейминга. В данном случае отбор позволяет указать на самые угрожающие, отталкивающие, вызывающие отвращение, по крайней мере, для

североамериканской и западноевропейской аудиторий, характеристики, присущие русским: сначала народу в целом - бесправие, вечное унижение, покорность; затем власть имущим - авторитаризм, насилие жестокость [5, С. 28]. Затем на втором этапе эти параметры можно акцентировать по отношению к России в совершенно различных направлениях: во внутренней политике, в культуре, образовании, науке, спорте [6, С. 1]. Однако, в любых правилах важны исключения, поэтому можно добавить информационные блоки о тяжелом положении политической оппозиции; о драконовых законах, лишаящих третируемых властью её критиков возможности легального доступа к структурам политического управления на любом уровне; об одурманивающей население пропаганде прокремлевских СМИ; о тотальном контроле над общественным сознанием, осуществляемом силовиками при поддержке церкви и т. п. Речь среди предлагаемых исключений идет о наличии, несмотря на засилье «глухой» автократии, здоровых, настроенных благожелательно и открыто к Западу, общественно-политических сил, которые являются носителями спасительного света среди средневекового мрака.

В том случае, если подача какого-либо события требует дополнительных подробностей, в частности, встреча на международном уровне, большое значение имеет детализация и анализ мельчайших нюансов всего мероприятия. В ход идут рассуждения об особенностях невербального поведения представителей встречающихся сторон, всевозможные догадки и прогнозы о предполагаемых итогах, воспоминания о предшествующих подобных встречах. В этой череде информационных сообщений четко прослеживается дихотомия «свой/чужой», которая и закладывает подход к интерпретации всего, что происходит в такого рода дипломатических обстоятельствах. Особыми чертами обладают комментарии экспертов, обрамляющие сам факт внешнеполитических контактов. Именно в рассуждениях, претендующих на экспертизу, и проявляются все элементы фрейминга, применяемые без четкой последовательности, как представлено в теории. И вместе с тем, помимо обсуждений различных тонкостей и невидимых на первый взгляд контекстах, и в случае информирования о внешней политике, и в случае оценок, даваемых внутривнутриполитическим процессам, для СМИ важно структурировать подачу материала таким образом, чтобы «наша» точка зрения (условно редакции) стала «вашей» точкой зрения (т. е. аудитории).

Любое конкретное событие или общую оценку ситуации в какой-либо сфере следует подавать так, чтобы продвинуть конкретное определение проблемы, каузальную интерпретацию, моральную оценку вместе с рекомендациями по восприятию освещаемого вопроса [3, С. 511]. Это означает, что критические функции интеллекта каждого потребителя информационного контента

замещаются мнением и выводами представителей соответствующих СМИ. Особым смыслом обладают каузальная интерпретация и моральная оценка. Поиск причин того, что случилось и стало поводом для резонанса в медиа, как правило, не направлен на выяснение истинного положения дел. Потому что, допустим, истина открылась, но исчез информационный повод для привлечения внимания аудитории. Отдельно следует отметить, что процесс выяснения истинного положения дел не применим в информационной войне и в её методологии. В данном аспекте понятие истины максимально размывается или отрицается возможность вообще её раскрытия, чему находятся соответствующие обоснования: напр., «власти страны делают всё, чтобы исказить факты»; «высокий уровень коррупции государственных органов власти делает невозможным установить подлинные причины...»; «авторитарно организованная властная вертикаль препятствует попыткам любого независимого расследования» и т. п. Таким образом, поступательно внушается идея о том, что в стране, ставшей мишенью для информационных атак, нет и не может быть ничего из разделяемых противоположной стороной, т. е. стороной, инициировавшей комплекс мер, содержащих вредоносное информационное содержание, ценностей. И одним из эффективных способов убедить свою аудиторию в том, что «там у них» всё плохо, становится морализаторство, взгляд на оппонента с позиций нравственного превосходства. Как поступать правильно или неправильно, что законно, что нет, теперь решает СМИ. Для хотя бы видимости доказательства, что все аспекты жизни и деятельности людей другого государства, аморальны, не требуется глубоких знаний относительно инокультурных традиций или исторического пути. Достаточно обратиться к механизмам формирования избирательного восприятия, описанным в американской социальной психологии. Основные характеристики избирательного восприятия заключаются в искажении, в пределе, упрощении действительности [7, С. 80-84].

Можно выделить три вида избирательного восприятия: искажения в оценке информации, «выявление» подтверждений собственных ожиданий и атрибутивное искажение [7, С. 80-84].

Искажения в оценке информации формируются и воспроизводятся по указанным выше моделям, таким как «добро/зло»; «свои/чужие»; «свет/тьма». Всё, что имеет отношение к собственным современным (или историческим) социокультурным реалиям, политическому процессу, законодательству, экономике оценивается со знаком «плюс», остальное либо также положительно, если рассматривается как близкое тому, что есть «у нас», либо, наоборот, как негативное, если речь идет о государствах и народах, не принимающих весь комплекс западных ценностей. Важно отметить, что здесь к искажению информации добавляется принцип мышления «всё или ничего», поэтому для

благосклонности оценок в западных или прозападных медиа какой-либо стране недостаточно реализовать в своих внутренних социальных процессах и структурах основы демократического политического устройства и рыночной экономики, но акцентировать присутствие на законодательном уровне присутствие «лгбт – толерантности». Без последнего момента весь остальной ценностный ассортимент с точки зрения задействованных в масс-медиа выразителей западной идеологии не актуален.

«Выявление» подтверждений собственным представлениям, ожиданиям и убеждениям происходит, когда из информации любого содержания извлекается только то, что релевантно такому ожиданию. И тогда, напр., любые достижения, успехи, открытия, делаемые по различным направлениям тем государством, страной, народом, которое стало мишенью для ведения информационной войны его недоброжелателями, будут интерпретироваться не как результат эффективного развития внутреннего потенциала, а как результат реализации скрытых коварных, злонамеренных и вредоносных намерений, цель которых – разрушить существующее положение дел на глобальном уровне, чтобы затем на этом же уровне занять доминирующее положение.

Что касается атрибутивного искажения, то при запуске этого механизма избирательного восприятия всё, что имеет отношение к негативным оценкам воспринимаемого объекта, считается отражением его существенных свойств, его природы, глубинного содержания. В противоположность, всё, что противоречит подобным оценкам, воспринимается как поверхностное, нестабильное, изменившее изначальные характеристики только под внешним воздействием. Здесь характерным примером может служить отношение к российским спортсменам на уровне МОК, также одновременно культивируемое в западных СМИ, в течение последних трех Олимпиад. Победы российских спортсменов не результат тяжелой работы, подготовки, тренировок, а употребления допинга, – такое мнение продвигается западноевропейскими и североамериканскими масс-медиа, а отрицательные допинг-пробы отечественных спортсменов рассматриваются исключительно как результат избыточных и дополнительных проверок, инициированных страной-организатором ОИ.

Подводя итог рассмотренному спектру вопросов, можно отметить следующее:

– Информационные войны становятся константным фактором работы СМИ. Телевидение, радиовещание, интернет-ресурсы усиливают эффекты воздействия на целевые аудитории дублируя оценки, характеристики, комментарии, направленные на формирование у зрителей и слушателей релевантных данным оценкам настроений. В этом заключается основной функционал информационного воздействия –

вызвать ожидаемый условной редакцией масс-медиа отклик;

– Можно, таким образом, интерпретировать феномен информационных войн как комплекс целенаправленных процедур подавления невыгодных их инициаторам общественных мнений, убеждений и ценностей, навязывания чуждых народам и государствам, как объектам вредоносных информационных атак, представлений и точек зрения;

– С помощью тенденциозно-негативного освещения всего, что имеет отношение к какой-либо культуре или стране, поступательно культивируется ощущение угрозы всей прогрессивной части человечества, исходящей от объекта такой демонизации (что может быть проиллюстрировано односторонне трактуемым образом Российской Федерации в современных западных и прозападных источниках информации) [2, С. 201-202; 5, С. 31];

– Для препятствования подобным отрицательным воздействиям на отечественную аудиторию важно иметь представление о том, как работают медиа-эффекты, их структура и организация. В данной работе представлены два подхода к созданию данных эффектов – фрейминг и структурирование информации, а также социально-психологические механизмы избирательного восприятия, которые будучи усиленными возможностями СМИ, становятся разновидностью методик разработки и реализации масштабных информационных атак на общественное сознание;

– Важно также отметить, что знание того, как устроены процедуры информационной работы с массовыми аудиториями позволяет воспринимать их с рационально-критической точки зрения, препятствующей интенсивному навязыванию негативных эмоциональных оценок, игнорирующих или обесценивающих объективность и беспристрастность разумного, взвешенного подхода к изучению любой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Гаджиев К.С. Страх и демонизация в политике // Свободная мысль. - М.: Политиздат, 2018. - №: 1 (1667).
3. Гриффин Эм. Коммуникация: теории и практики. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015 – 688 с.
4. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. - 640 с.
5. Панов В.Н. Россия – Запад: истоки русофобии и современность / Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ "Нацразвитие". Материалы конференций. – СПб.: Издательство: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального

образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ» (Санкт-Петербург), 2019.

6. Раппопорт А.В. Русофобия как феномен // Евразийское научное объединение. – М.: Учредитель: Орлов Максим Юрьевич (Москва), 2019 - №: 10-5 (56).

7. Шейнов В.П. Управление конфликтами: теория и практика. – Минск: Харвест, 2010. – 912 с.

8. Яркеев А.В. Мифологема зла в политическом дискурсе // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность. Сборник научных статей (Материалы Международной научно-практической конференции). - Под редакцией Г.В. Мерзляковой. – Ижевск: Издательство: Издательский дом "Удмуртский университет" (Ижевск), 2018.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330.138.15:330.3: 330.5

СТОИТ ЛИ ПЕРЕЧИТЫВАТЬ К МАРКСА И КАК ЕГО ЧИТАТЬ?

Кулик Виктор Иванович

к.т.н., доцент,

Кулик Иван Викторович

к.э.н., доцент.

Тихоокеанский Государственный Университет (ТОГУ).

Г. Хабаровск, Российская Федерация.

IS IT WORTH READING K. MARX AND HOW TO READ IT?

Viktor Ivanovich Kulik

Ph.D., Associate Professor,

Ivan Viktorovich Kulik

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Pacific State University, (PNU).

G. Khabarovsk, Russian Federation.

DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2021.1.70.467

АННОТАЦИЯ

На страницах Интернета ведутся споры солидными экономистами на тему «Ложные тезисы марксизма: тенденция нормы прибыли к понижению». В этих спорах участвуют десятки экономистов. Одни считают, что К. Маркс прав, другие считают, что он не прав. При этом, спорщики обнаруживают небрежность в отношении друг к другу, полное непонимание текста «КАПИТАЛА», но и допускают обвинения в адрес К. Маркса, типа: «его понимание смысла понятия «постоянный капитал» было дилетантским», или «был придуман механизм «прибавочного времени» и присвоения труда рабочих в это мифическое «прибавочное время», и т. д и т. п. Мы не можем согласиться с таким отношением к К. Марксу, оставившему нам (человечеству!) бесценное идеологическое наследие, не полностью изданные при его жизни, рукописи под общим названием «КАПИТАЛ».

ANNOTATION

On the Internet respectable economists are debating on the topic "False theses of Marxism: the tendency of the rate of profit to fall". Dozens of economists are involved in these debates. Some believe that K. Marx is right, others believe that he is wrong. At the same time, the disputants reveal negligence in relation to each other, a complete misunderstanding of the text of "CAPITAL", but they also admit accusations against K. Marx, such as: "his understanding of the meaning of the concept of" constant capital "was amateurish", or "the mechanism of "surplus time" was invented and the appropriation of workers' labor in this mythical "surplus time", and so on, etc. We cannot agree with such an attitude towards K. Marx, who left us (humanity!) An invaluable ideological legacy, manuscripts not fully published during his lifetime under the general title "CAPITAL".

Ключевые слова: труд; стоимость; производительная сила; производительность труда; предметы потребления; доход; средства труда; основной капитал; «прибавочное время, труд, продукт, стоимость»; законы «прибыли», «эффективности производства» и историческая тенденция изменения составных частей совокупного конечного продукта общества в стоимостную эпоху.

Key words: labor; cost; productive force; labor productivity; items of consumption; income; means of labor; main capital; "Surplus time, labor, product, value"; the laws of "profit", "production efficiency" and the historical tendency of changes in the constituent parts of the aggregate final product of society in the time of value.

Предисловие.

Основные моменты обсуждения на страницах «КАПИТАЛ СТРАНЫ»

Ложные тезисы марксизма:

тенденция нормы прибыли к понижению

2 Ноября 2012 46 **ИССЛЕДОВАНИЯ** – декабрь

2020

• В тринадцатой главе третьего тома «Капитала» Карла Маркса изложена

теория, известная как «закон тенденции нормы прибыли к понижению». Вас нестораживает это название? Если в капиталистическом производстве действует такой закон, то невольно возникает вопрос: почему оно до сих пор функционирует? Что не так в схеме Маркса? Что он недоучел?

1. При детальном разборе формулировок этого закона в глаза бросаются строки: «При данной заработной плате и при данной продолжительности рабочего дня переменный капитал, например, в 100 денежных единиц, представляет определённое число рабочих, приводимых в движение; он является показателем этого числа». Здесь явное

допущение: число денежных единиц капитала корректнее определить не через число рабочих, а через их производительность. Ведь капиталиста интересует не число рабочих, занятых в производстве, а прибыль с единицы произведенного продукта. Каждая единица продукта приносит прибыль – несмотря на то, что Маркс был об этом другого мнения.

2. Для простоты расчетов предположим, что количество рабочих, привязанное к упомянутым выше 100 единицам переменного капитала, составляет 100 человек. Количество продукта также

$$100 \text{ единиц продукта, при } c = 50, v = 100, p' = \frac{100}{150} = 66,6\%;$$

$$200 \text{ единиц продукта при } c = 100, v = 100, p' = \frac{100}{200} = 50\%;$$

$$300 \text{ единиц продукта при } c = 200, v = 100, p' = \frac{100}{300} = 33,3\%;$$

$$400 \text{ единиц продукта при } c = 300, v = 100, p' = \frac{100}{400} = 25\%;$$

$$500 \text{ единиц продукта при } c = 400, v = 100, p' = 100 = 20\%.$$

В реальности, когда капиталист вкладывает капитал в производство, очевидно, что он не преследует цели снижения прибыли. Поэтому при увеличении капитала на 100 денежных единиц логично увеличить производительность на 100 единиц – только не денежных, а единиц продукта труда. Тогда при любой структуре капитала начальная производительность труда будет расти в той же пропорции, в какой у Маркса растет постоянный капитал. При этом получение прибыли будет происходить совсем не так, как у Маркса. В первой строке прибыль останется равной 66,6%. Во второй строке она будет в два раза больше ($66,6\% * 2 = 133\%$), в третьей – в три раза больше ($66,6\% * 3 = 198\%$), чем у Маркса. В пятой строке прибыль будет, соответственно, в пять раз больше ($66,6\% * 5 = 330\%$). Эта тенденция прямо противоположна той, которую предлагал нам Маркс. Невооруженным взглядом видно, что капиталист наращивает постоянный капитал не только потому, что это необходимо для повышения качества продукта. Он вкладывает деньги в повышение производительности труда, оснащает производство более производительными орудиями труда.

4. Если бы Маркс провел такой же анализ и пришел к тому же выводу, то оказался бы перед очень неприятным для него вопросом: каким образом труд создает стоимость добавочной продукции, если численность рабочих остается неизменной? Эту ситуацию можно объяснить, только отказавшись от трудовой теории. А ведь написано уже почти три тома «Капитала», переписывать все заново поздно...

5. Дальнейший текст «закона тенденции нормы прибыли к понижению» не представляет интереса для экономической науки – как, впрочем, и весь текст «Капитала», который так и не нашел применения в экономике. Исключением из

примем равным 100 штукам. Очевидно, что чем больше производительность труда, тем больше капиталист получает продукта труда, и, следовательно, тем больше будет его прибыль на вложенный капитал. Если к предлагаемой ниже Марксом таблице добавим производительность каждого рабочего (её мы примем равной 100 единицам – только не денежных единицам, как это сделал Маркс, а единицам продукта), то в итоге получим следующее условие его примера.

3. При норме прибавочной стоимости, равной 100%, 100 рабочих производят

оставшегося текста является лишь критика Марксом предшественников, не сумевших решить «решённую» им «загадку» экономической науки: «Как ни прост кажется этот закон после всего нами изложенного, но всей предшествующей политической экономии не удавалось открыть его, как мы это увидим в одном из последующих отделов. Она наблюдала явление и мучилась в противоречивых попытках объяснить его. Но при том огромном значении, какое имеет этот закон для капиталистического производства, можно сказать, что он составляет тайну, над разрешением которой бьётся вся политическая экономия со времени Адама Смита, и что различие между разными школами после А.Смита состоит в различии попыток её разрешения».

6. Никто из предшественников Маркса не посвятил столько сил и времени задаче как можно убедительнее показать «загнивание» капитализма.

«С другой стороны, если принять во внимание, что, хотя вся предшествующая политическая экономия и ходила вокруг да около различия между постоянным и переменным капиталом, но так и не сумела определённо его сформулировать; что она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде, в отличие от её различных обособившихся друг от друга составных частей, — как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента; что она никогда не анализировала основательно различия в органическом строении капитала, а, следовательно, и образования общей нормы прибыли, — то перестаёт быть загадочным то обстоятельство, что ей никогда не удавалось разрешить этой загадки».

7. Все экономисты «домарксистской» эпохи разделяли капитал на основной и оборотный. Под оборотным капиталом подразумевались все виды

средств производства, расходы на которые возвращались к капиталисту после продажи товара, то есть фактически оплачиваемые покупателем. Эта часть капитала меняла свою форму – с денежной на натуральную и наоборот.

8. Маркс же основную часть оборотных средств переместил в понятие постоянного капитала. Этим приемом он увеличил знаменатель отношения постоянного капитала к переменному, что позволило ему добиться цели – получить тенденцию нормы прибыли к уменьшению. Это характеризует Маркса не с лучшей стороны: его понимание смысла понятия «постоянный капитал» было дилетантским.

9. Оставшуюся часть оборотного капитала Маркс называет «переменным капиталом». Фактически в это понятие у него входят только средства на заработную плату.

10. После таких искажений смысла общепринятых экономических понятий Маркс обвиняет предшественников в неспособности решить «загадку», собственно, существовала только для него самого. Его предшественники не видели такой «загадки» в экономике, так как не могли объяснить, как повышение производительности труда образует стоимость прирастающего количества продукта, когда труд как мерило

стоимости перестаёт иметь к этим продуктам прямое отношение. С помощью трудовой теории невозможно объяснить, как орудия труда, повышающие его производительность, образуют стоимость продуктов увеличенной производительности труда, мерилем которой является труд работника. Но Маркс такую задачу перед собой, видимо, и не ставил. Его задача была в том, чтобы сохранить в своей теории истинный механизм эксплуатации и перенести его в коммунистическое учение. Взамен был придуман механизм «прибавочного времени» и присвоения труда рабочих в это мифическое «прибавочное время». Этот придуманный Марксом механизм эксплуатации невозможно реализовать ни при каких условиях.

11. Заслуживает внимания также **дилетантское** объяснение Марксом снижения стоимости товаров при увеличении производительности труда при их производстве: он объяснял это банальным сокращением использования живого труда. Реальная же причина этого явления находится на поверхности – это превышение предложения над спросом, образующееся с повышением производительности труда, особенно в условиях конкурентной борьбы производителей за рынки сбыта.

Итак: В тринадцатой главе третьего тома «Капитала» Карла Маркса изложена теория, известная как «закон тенденции нормы прибыли к понижению». Вас нестораживает это название? **Нет, нас нестораживает это название!** Если в капиталистическом производстве действует такой закон, то невольно возникает вопрос: почему оно до сих пор функционирует? **А потому, что отношения в капиталистическом производстве – стоимостные.** Что не так в схеме Маркса? **Всё так!** Что он недоучел? **Всё учёл!**

Николай Рябинин

1. Введение. Основной капитал

1. Общество и его помощники – *средства труда* («капитал») в виде машин ...автоматов и автоматических линий (*посредник* между природой и человеком) и *стоимость* в форме денег (*посредник* между различными видами труда, разбросанными и в пространстве и во времени в человеческом обществе), как единый организм развивает и совершенствует, как обмен веществ между собой и внешней природой, так и между отдельными индивидами и их группировками. И причиной всему стал и есть труд. Труд в этом социальном движении или процесс труда, по присущему природе всеобщему «закону отражения», оставляет на предмете свой отпечаток, с одной стороны, в виде потребительной стоимости, с другой – в виде величины стоимости. В первом случае, изменяется (по законам красоты, гармонии и т. п.) окружающий человека предметный мир, а с другой стороны – форма общения индивидов, как носителей различных видов труда. Разнообразие продуктов природы и вновь создаваемых продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых находит себя каждое новое поколение и в которых приходится вести своё хозяйство человеку, это разнообразие способствует

умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда и общения. Человек *отрывает* от природы предмет (вещество, энергию...) и ставит его в своём трудовом процессе между собой и предметом труда как средство, которым он воздействует на другой предмет. Затем, это *средство труда* (из палки, камня, инструмента в руках человека) превращается в *машину с ручным управлением*, где человек выполняет все функции процесса труда (все холостые ходы, а также функции системы управления), за исключением рабочих процессов или рабочих ходов машины. В более развитой *машине-полуавтомате* – человек выполняет всего лишь одну операцию всего технологического процесса, как правило, – загрузку-выгрузку детали, а потому становится лишь одним из механизмов несовершенной пока «рабочей машины» или «придатком машины». В *автомате или автоматической линии* (в системе машин) человек уже не участвует в технологическом процессе изготовления изделия, он теперь выполняет функции наладки и контроля, он становится рядом с этим процессом. Не человек с инструментом в руках теперь главный агент производства продукта, а средство труда, оно, уже в свою очередь, *отрывается* от самого человека. Средство труда, как посредник между человеком и природой, воплощая теперь в себе

где производительные силы процесса труда:

1 – **живая рабочая сила** $T_{ж}$, «переменный капитал» v ;

2. – средство труда, «основной капитал» K или ТП – (посредник между человеком и «предметом труда», а в общем смысле, – между человеком и природой, как «производительная сила»), где: $f = \frac{T_{п} \text{ рубль}}{n \text{ год}}$ – «годовой стоимостной износ (годовое потребление) средств труда»; ТП – стоимость средств труда; $T_{ж}$ – живая рабочая сила – v ; $K = \frac{T_{п} \text{ рубль}}{T_{ж} \text{ рубль/год}} = \frac{f \cdot n}{T_{ж}}$ [год] – коэффициент «технической вооружённости живого труда»; n – срок службы, срок окупаемости «средств труда», срок обращения «основного капитала»;

3. – **процесс образования продукта** (процесс производства), в котором живая рабочая сила v и её помощники средства труда f преобразуют (технология!) элементы природы (т. е. «предмет труда» C) в продукт Q для своего дальнейшего жизненного потребления;

4. – **процесс образования стоимости продукта** («заводская себестоимость»).

Величина обратная производительности есть стоимость – $C_T = \frac{1}{P_T} \left[\frac{\text{рубль}}{\text{штука}} \right]$.

«Производительность труда, – пишет К. Маркс [17, ч. 2, с. 409], – вообще означает максимум продукта при минимуме труда, отсюда возможное удешевление товаров ... Это выступает, следовательно, как адекватное осуществление закона стоимости, который вполне развивается на основе капиталистического способа производства», а точнее, – способа производства, основанного на разделении труда и стоимостном инструменте общения. Мы пока ничего не говорили о *прибавочной стоимости* и её превращённой форме – *прибыли*. Однако, «стоимость всякого товара, ... К. Маркс, – определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нём самом, а рабочим временем, **общественно необходимым** для его воспроизводства». «...Товар должен иметь потребительную стоимость, должен, следовательно, удовлетворять **общественной потребности** ... первая предпосылка продажи. Другая состоит в том, что количество труда, заключающееся в товаре, должно представлять **общественно необходимый труд**, следовательно, индивидуальная стоимость (или... продажная цена) товара должна совпадать с его **общественной стоимостью**», [16, с. 199].

Поэтому, после того как продукт производства, как товарный продукт, выйдет на товарный рынок, он вступает в конкурентную борьбу с другими товарными продуктами (приобретая цену!) за делёж общественной прибыли, или "превращённой формы общественной прибавочной стоимости". Если средняя цена продукта на рынке есть величина Π , то прибыль, которая (с общественной точки зрения не принадлежит в полной мере данному предприятию) выпадет на этот продукт после продажи его на рынке, есть величина **прибыли** $p = \Pi - (f + c + v)$. Однако, **среднюю норму общественной прибавочной стоимости** мы можем определить,

только зная структуру всего общественного организма. И тогда от «**заводской производительности труда**» мы можем перейти к определению «**общественной производительности труда**».

2 • О «законе тенденции нормы прибыли к понижению»

4, ... 9. **Обнаруживаем у современников полный отказ от «трудовой теории стоимости сегодня», а также пишут, что он (этот закон)** «... составляет тайну, над разрешением которой бьётся вся политическая экономия со времени Адама Смита, и что различие между разными школами после А. Смита состоит в различии попыток её разрешения».

«В своей непосредственной форме **прибыль** есть не что иное, как **сумма прибавочной стоимости**, выраженная в виде отношения к совокупной стоимости капитала», [17, ч. 2, с. 284]. «Норма прибавочной стоимости равна $\frac{m}{v}$, а норма прибыли равна $\frac{m}{(c+v)}$ », [18, ч. 3, с. 506], или $p' = \frac{M}{(F+V)}$. *Прибыль* («как **сумма прибавочной стоимости**») = «*промышленная прибыль*» + «*торговая прибыль*» + «*рента*» + «*процент*».

Распределяется ли масса *прибавочной стоимости* (К. Маркс) или *прибыли* (Д. Рикардо), – в литературе имеет место два взгляда на **этот** закон.

Один взгляд (по Д. Рикардо) заключается в том, что конкурентная борьба вынуждает капитал (**в погоне за прибылью**) перетекать в более прибыльные отрасли экономики, при этом затрачивая «всё большего и большего труда», что и вызывает эффект постепенного снижения нормы прибыли.

Другой взгляд (по К. Марксу) заключается в том, что **тенденция нормы прибыли к понижению** – это исторический феномен изменения органического строения растущего по абсолютной величине капитала, и **что всякий раз прерывается**, как пишет К. Маркс, «**благодаря усовершенствованиям в машинах ... а также открытиям в агрономической науке**», в котором доля постоянного капитала по отношению к переменному, или доля прошлого труда по отношению к живому (настоящему) – **увеличивается**.

Экономический закон представляет объективную форму связи, вытекающую из естественной необходимости самого производства. Применение математики к анализу экономических законов требует проникновения в сущность «самодвижения» общественного капитала как стоимостных отношений в общественном организме, «но, – [27, с. 233], – за математическими формулами не должна исчезать реальная действительность».

Когда мы исследуем «жизнь» *отдельного промышленного капитала*, то обнаруживаем, и этому много примеров, как **разрушительные неудачи**, так и **головокружительные успехи**. Движение общественного капитала происходит иначе. Когда «**норма общественной прибавочной стоимости**» **увеличивается**, приближаясь к 100 %, то вслед за ней и «**норма прибыли**», рис. 1, **увеличивается**, приближаясь к величине 33,3(3) %. Идёт рост

прибыли, радующий всех. Когда «норма общественной прибавочной стоимости» увеличивается за 100 %, то вслед за ней «норма прибыли», см. рис. 1, уменьшается (и только для этого состояния справедлив закон, названный

К. Марксом «законом тенденции нормы прибыли к понижению»). Для капиталиста падение нормы прибыли – трагедия, для капитала – развитие, для общества – прогресс!

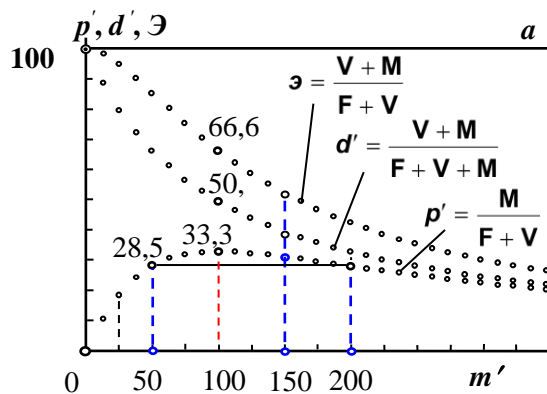

Рис. 1. Графики некоторых отношений составных частей стоимости конечного продукта

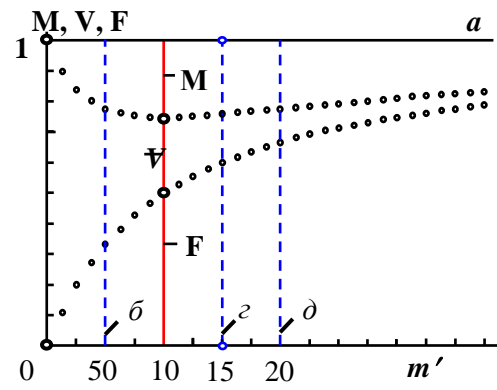

Рис. 2. Графики исторического изменения составных частей стоимости конечного продукта

Если норма общественной прибавочной стоимости как отношение $m' = M/v$ не имеет границ к своему увеличению, то норма прибыли как отношение $p' = M/(F+V)$ не может быть больше чем 33,(3) % для любой эпохи и любого (английского, французского, российского...) общества.

Кроме того, на рис. 1, не только «норма прибыли» как отношение $p' = M/(F+V)$, но и доля живого труда, т. е «дохода общества» – $(V+M)$ в «совокупном конечном продукте общества» или отношение $d' = (V+M)/(F+V+M)$, а также отношение «дохода общества» к «производительному капиталу общества» или отношение $\varepsilon = (V+M)/(F+V)$ (в литературе [27] это отношение называют «эффективностью (?) общественного производства» и даже «производительностью (?) труда») **непрерывно уменьшаются.**

На рис. 2 расстояние между осью " m' ", где отложена норма прибавочной стоимости, и верхней линией a принято равным единице. Это расстояние делится на три части так, что верхняя кривая линия показывает изменение величины M (от линии a), а нижняя кривая линия показывает изменение величины F (от линии m'), расстояние между этими линиями показывает изменение величины V . При этом всегда $F + V + M = 1$.

«Великая историческая сторона капитала заключается в создании этого прибавочного продукта (продукта M , или непроизводительного населения M), излишнего с точки зрения ... простого поддержания существования рабочего (продукта V , или производительного населения V), и историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда ... сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда ... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за

другом поколения, разовьётся как всеобщее достояние нового поколения, – когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда ... приведёт к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будет требовать от всего общества сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства ... во всё возрастающем изобилии; – следовательно, тогда, когда прекратится такой (необходимый) труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи (средства труда!) делать для себя, для человека». [17, ч. 1, с.282-283].

Поэтому, «в качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создаёт материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своём производстве и в своём потреблении и труд которой выступает, поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически. Поэтому-то капитал (но не капиталист, не о нём ведёт речь К. Маркс) и производителен ... и является существенным отношением для развития общественных производительных сил. Таковым капитал перестаёт быть только тогда, когда развитие самих этих производительных сил находит предел в самом капитале». [17, ч. 1, с. 282-283].

Вся история развития общественного производства приводит нас к следующему:

1) «...Человеческий труд всё более и более отстает на задний план перед трудом машин»

[11 с. 78];

2) Если «развитие науки ... является ... одной из форм, в которых выступает развитие производительных сил человека, т. е. развитие богатства», то «развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание ... превратилось в непосредственную производительную силу» в «...органы общественной практики, реального жизненного процесса...». Более 150 лет назад человек уже знал, что «...созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые ... зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству», [см. 16, ч. 2, с. 215], а тем более в наше время, когда «господство прошлого труда над живым становится не только социальной истиной ... но и, так сказать, *технологической* истиной», [см. 19 с. 552];

3) Производство прибавочного продукта, по словам Ф. Энгельса [20, с. 199], «...было и остаётся основой всякого общественного политического и умственного прогресса...»;

4) «Страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному...» [18. Т. 4, ч. 1, с. 215], т. е. чем меньше "необходимый" труд общества – V по отношению к «прибавочному» труду – M .

Развитие производительных сил труда, постоянно подстёгиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению приводит к увеличению доли прошлого труда по сравнению с настоящим трудом.

С точки зрения капитала он «расширяется», прогрессирует (*самовозрастает*). Но с точки зрения общества или индивидов, составляющих это общество, правильный ответ можно дать только с учётом интересов или преследуемых обществом целей. Если с подобным «прогрессом» или «самовозрастанием» капитала уменьшается натуральный продукт и услуги, т. е. вместо булки хлеба в день теперь приходится в день полбулки на человека, то, очевидно, такое развитие капитала идёт не в интересах членов общества и вряд ли его можно назвать «*расширенным*», или «*эффективным*». Если натуральный продукт и услуги на душу населения увеличиваются, то такое развитие капитала идёт в интересах общества. И, наконец, если при вышеуказанном «самовозрастании» капитала, следовательно, и структурном преобразовании общества, вещественный доход на душу населения не уменьшается и это удовлетворяет членов общества, то эти изменения (например, см. две точки на рис. 1, где в одном случае норма прибавочной стоимости $m' = 50\%$, во втором случае – $m' = 200\%$, а норма прибыли в обоих случаях одинакова $p' = 28,57\%$) означают, что в результате развития производительных сил общества теперь меньшая часть его населения требуется для производства прежней массы предметов потребления или того же самого «*дохода*»

общества. Это означает: а) часть людей, на которую уменьшилось V , живёт теперь за счёт увеличившейся доли M , б) эта часть людей живёт теперь за счёт продукта M , но **трудится** уже не в материальном производстве, а в других сферах человеческой деятельности и создаёт продукт не обязательно товарно-вещественного мира, а услуг (...общественный транспорт, медицина, образование, искусство, спорт...) или форму удовлетворения, любознательности рода человеческого, как наука – астрономия, археология, палеонтология, история... и т. д. и, тем не менее, это есть расширенное (воспроизводство) развитие всего общественного организма, так как те (а их стало больше), кто живёт за счёт M , создают качественно другой продукт – увеличивают **духовное богатство** всех и каждого.

Надо понимать, что мы живём в стоимостную эпоху! «Понятием стоимости выдаётся тайна капитала», а «понятием продукта выдаётся тайна богатства».

В реальном обществе стоимостные пропорции общественного капитала (искажены и) завуалированы реальным денежным инструментом общения людей.

«Только поняв отношения, действующие при образовании нормы прибыли p' (и «эффективности» – ε), рис. 1, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ (важнейших экономических показателей) в различные эпохи и в разных странах. Норма прибыли (и выше рассмотренной «эффективности») **понижается** не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным».

Возрастающая тенденция «общественной нормы прибыли», определяемой по формуле $p' = M/(F+V)$, и «стоимостной эффективности» общественного производства, определяемой по формуле $\varepsilon' = V+M/(F+V)$, к **понижению** есть только выражение прогрессирующего развития производительной общественной силы труда, выражение, свойственное, прежде всего исторически, «капиталистическому способу производства» как стоимостному, а в общем смысле – *способу производства, основанному на разделении труда и стоимостном инструменте общения*.

3 • Стоимость, как «основной капитал – F », переносимый на продукт, в производстве которого он участвует

10. Непонимание современными экономистами «прибавочного времени», «труда»,

«стоимости», продукта. «основного капитала»... а также ошибочное мнение будто:

«С помощью трудовой теории невозможно объяснить, как орудия труда, повышающие его производительность, образуют стоимость продуктов увеличенной производительности труда, мериллом которой является труд работника. Но Маркс такую задачу перед собой, видимо, и не ставил. Его задача была в том, чтобы сохранить в своей теории истинный механизм эксплуатации и перенести его в коммунистическое учение. Взамен был придуман механизм «прибавочного времени» и присвоения

труда рабочих в это мифическое «прибавочное время». Этот придуманный Марксом механизм эксплуатации невозможно реализовать, ни при каких условиях». **Вот таково понимание современных экономистов.(?)**

Средства труда («основной капитал»), как «овеществлённая производительная сила», воплощённая в «средства труда», увеличивают производительную силу «живого труда», а также и возможность прибавочного труда, прибавочной стоимости, прибавочного продукта.

В процессе производства потребляются, изнашиваются средства труда (а средства труда увеличивают производительную силу труда!), а это одновременно означает, что **мы их и создаём в природе, и потребляем, и воспроизводим по стоимости.** Под потреблённым капиталом, вошедшим в стоимость конечных продуктов, необходимо понимать только потреблённую или изношенную за год часть, которая здесь обозначена символом «*F*», действующего, скажем 10 лет, *основного капитала* – «*Ф*».

«Если рассматривать "великий процесс производства" как непосредственный процесс производства, – подмечает К. Маркс [13, с. 222; 18], – то в нём потребляется только *основной капитал*. Но потребление в рамках процесса производства в действительности *представляет собой использование, изнашивание*». Поэтому, необходимо различать понятия воспроизводство (обращение) основного капитала, который уже существует и действует в производстве, от понятия инвестиций (вложения) в основной капитал, который только предполагается влиться в производственный процесс.

Что касается сырых и вспомогательных материалов под символом С в стоимости промежуточного продукта, – то это есть стоимости, циркулирующие в течение года в виде товарных промежуточных продуктов производства в пределах каждого подразделения. Это есть часть постоянного оборотного капитала или, говоря словами К. Маркса, «только кажущийся постоянный капитал», – стоимость, – «хотя она и входит в совокупный (товарный) продукт, однако – ни в качестве составной части стоимости, ни в качестве потребительной стоимости – не входит в конечный продукт, а возмещается (в природе), оставаясь, всё

время неотъемлемым элементом производства» в каждом подразделении [18, ч. 1, с. 128].

Любое $C = f + c + (v+m)$ предшествующей фазы производственного процесса, смотри [6].

4• Рабочий день, труд, создаваемая и воспроизводимая стоимости, продукт, два подразделения, производительное и непроизводительное население общества

При экономическом исследовании и осознанном ведении социально ориентированной политики общественного организма, основанного на коллективном производстве и стоимостных отношениях:

– «определение стоимости остаётся господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая всё это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было», поэтому, «...плановое распределение рабочего времени по различным отраслям производства остаётся первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится даже в гораздо более высокой степени законом» (К. Маркс).

– *эти определения, понятия, закономерности и т. п. «могут быть выражены при известных условиях математически определённым функциональным отношением» в зависимости от того, «какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле» (В.И. Ленин). Поэтому, говоря языком математики, исследовать теперь необходимо систему следующих двух уравнений, рис. 3.*

*В результате применения **производительных средств труда**, (увеличивающих производительную силу труда!), подразделение 2, во-первых, перерабатывает за год большую массу вещества природы и тем самым создаёт большую массу предметов потребления, а, во-вторых, величина стоимости продукта 2 увеличивается на величину стоимостного износа этих средств, на величину, на которую не может претендовать подразделение 2, но зато претендует подразделение 1. Как это происходит на основе движения стоимости предстоит показать.*

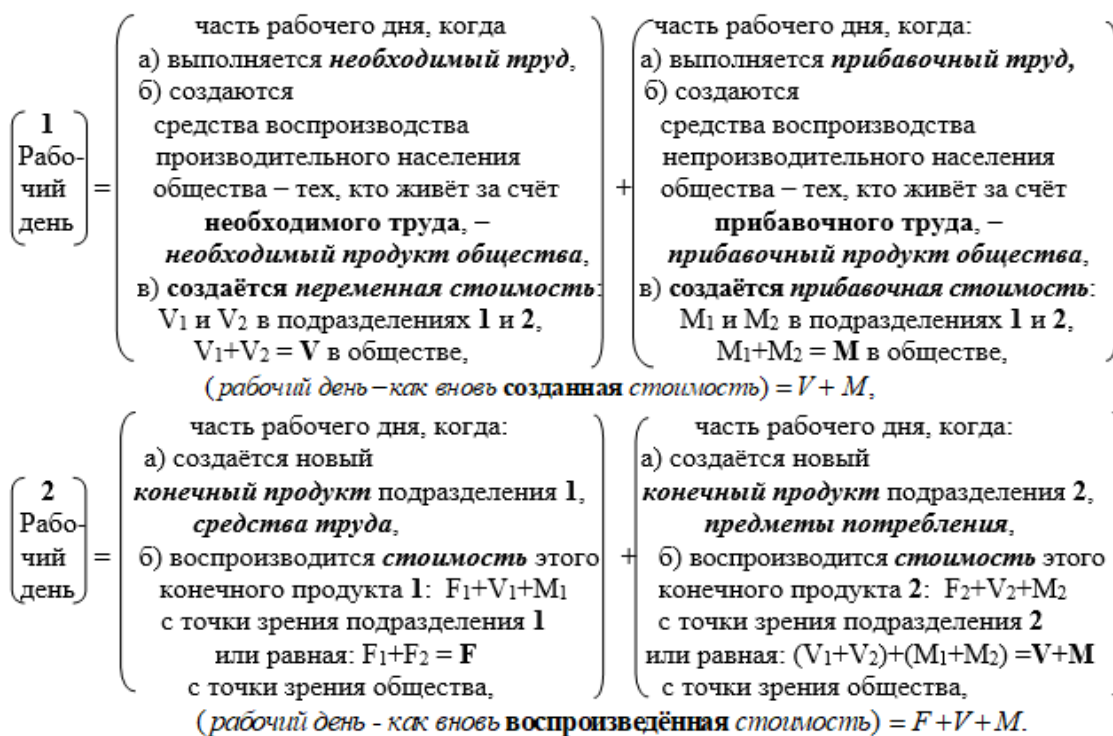

Рис. 3. Структура рабочего дня, продукта и стоимости

В развитом пропорционально и гармонично развивающемся обществе пропорции, [7]: формируются

$$\frac{M}{V} = \frac{V_1+M_1}{V_2+M_2} = \frac{F_1}{V_1+M_1} = \frac{F_2}{V_2+M_2} = \frac{F_1}{F_2} = \frac{F_1+F_2}{(V_1+V_2)+(M_1+M_2)} = \frac{F}{V+M} = \dots$$

а также всегда $V_1 + M_1 = F_2$. С ростом «производительности общественного труда» увеличивается «норма общественной прибавочной стоимости» - $m' = \frac{M}{V} = \frac{F}{V+M}$, уменьшается «общественная норма прибыли» -

$p' = \frac{M}{F+V}$, но указанные пропорции всегда стягиваются к выше указанным отношениям. [7, 8].
Что касается общей нормы воспроизводства средств труда:

$$\frac{F}{V + M} = \frac{\text{время, затрачиваемое на производство "основного капиталаобщества"}}{\text{время, затрачиваемое на производство "доходаобщества"}}$$

то она так же определена в обществе, как и общая норма прибавочной стоимости:

$$\frac{M}{V} = \frac{\text{время, затрачиваемое на производство "прибавочного продукта общества"}}{\text{время, затрачиваемое на производство "необходимого продукта общества"}}$$

В развитом общественном производстве, когда труд предполагается уже в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека, и потому создание и употребление средств труда уже составляет специфически характерную черту человеческого процесса труда в любой области человеческой деятельности, когда уже создаются два продукта совершенно различных по их потребительной форме, то необходимым моментом исследования становится также деление всего «общественного рабочего дня» на две части: часть дня, когда производятся «средства труда», и часть дня, когда производятся «предметы потребления». Вопрос сейчас в том, сколько времени общество затрачивает на производство средств труда (основного капитала общества) и сколько на

производство предметов потребления (дохода общества), в отличие от того, сколько времени общество затрачивает на «необходимый» труд и сколько – на «прибавочный» труд.

Абсолютно пропорциональное и гармоничное производство требует равенства вышеприведённых отношений, или отношение вышеуказанных категорий, – в высшей степени важнейший экономический закон нашего времени, имеет следующее стоимостное выражение: $\frac{F}{V+M} = \frac{M}{V}$. В формулировке К. Маркса [17, с. 221] он гласит так: «Внутри самого процесса производства капитала рабочее время, затрачиваемое на производство основного капитала, так относится к времени, затрачиваемому на производство оборотного

капитала, как прибавочное рабочее время относится к необходимому рабочему времени».

При этом необходимо иметь в виду, что «фонд жизненных средств представляет собой оборотный капитал», - [17, с. 185, с. 189].

Это – настоящее научное открытие! Это – закон первостепенной важности именно для социализма! К такому выводу шёл К. Маркс в своём исследовании «общественного производительного капитала», однако вывод К. Маркса остался незамеченным (если хотите: нерасшифрованным) всей последующей экономической наукой.

5• Конечный продукт общества

Если взять статистические данные общества в конкретный период времени, состоящего, например, из 100 млн. человек и измерять, при этом, единицу стоимости не стоимостью рабочей силы (где стоимость рабочей силы – $V=V_1+V_2$), а трудом рабочей силы общества (где стоимость, которую

создаёт труд рабочей силы – $V+M=(V_1+M_1)+(V_2+M_2)$, то его вещественно-стоимостное строение можно представить так, как показано на рис. 4. Смотри подробней [7].

Здесь: 20 млн. человек подрастающее поколение (детские сады, школы, техникумы и ВУЗы...), 20 млн. человек – люди преклонного возраста или нетрудоспособное население (калеки, инвалиды, пенсионеры...), 20 млн. человек работающих, но не работающих в материальном производстве общества (артисты, футболисты, полиция, армия...), и только 40 млн. человек работают в материальном производстве общества (в подразделении 1 и 2 общественного производства) и производят и «производительный капитал» и «доход общества» – (предметы потребления, предназначенные для людей), который потребляют все члены общества.

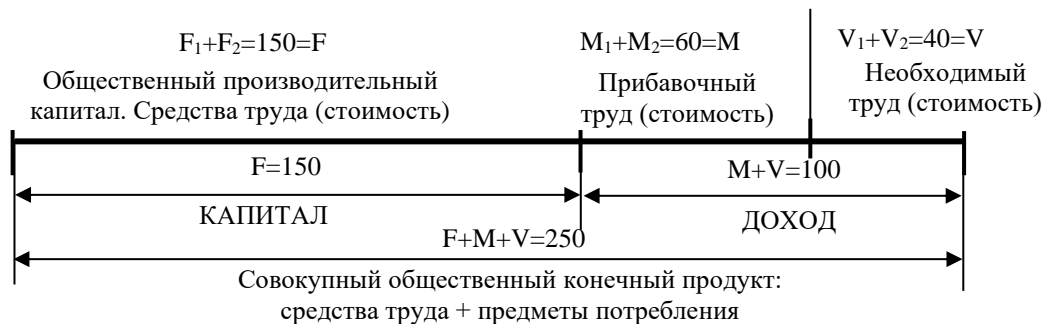

Рис. 4. Совокупный конечный продукт общества

Здесь $M = (20+20+20) = 60$ млн. человек, $V = 40$ млн. человек, а норма прибавочной стоимости в обществе равна $m' = M/V = 60/40 = 1,5 \rightarrow 150\%$.

Скромный рис. 4 можно расшифровать подробней, см. рис. 5, а также смотри [7]. На рисунках индексы 1 и 2 указывают на отношение параметров к первому или второму подразделению общественного производства.

В работе [7], показан обмен между двумя подразделениями общественного производства и кругооборот производительного общественного капитала более подробно, речь здесь идёт о капиталистическом (стоимостном) общественном производстве, и не идёт о том случае, когда процесс не охвачен капиталистическим производством, когда оплачивают услуги из своего кармана. Разделение труда на предприятии и в обществе – это разные процессы.

Для построения «структурной формулы конечного продукта общества» достаточно знать количество людей в обществе и одну из вышеуказанных пропорций, например: – норму общественной прибавочной стоимости, либо – норму разделения труда на подразделения 1 и 2 общественного производства и т.д.

Конечно, многим кажется, что трудно разделить общество даже на два подразделения. Однако отечественная экономическая наука

опирается на понятия двух подразделений общественного производства [3, 4, 9]. Правда, сегодня, экономисты, не поняв фундаментальности этого, уходят от двух продуктовой Марксовой модели общественного воспроизводства, забывая, что «материальное производство – основа социальной формы движения» [10]. Отсюда, некоторые экономисты [2, с. 14] ошибочно полагают, что «выделение из состава общественного производства двух подразделений как двух производящих единиц почти невозможно... и нецелесообразно, поскольку не имеет большого практического значения», что, дескать, «и в анализе Маркса, и в современном исследовании проблемы подразделений речь... идёт не о подразделениях как двух производящих единицах... а о продукте этих подразделений». При делении же общественного продукта экономисты, опять-таки, не видят движения [3, с. 100-101, 4, с. 19] одного и того же продукта по фазам производства, а понимают дело так, будто бы мука как сырьё для хлебопекарни есть продукт подразделения 1, а булка хлеба, выпеченная из этой муки, уже есть продукт подразделения 2.

Неужели за исторически, традиционно сложившимся разделением труда (при котором [16, с. 352] «результат труда одного образует исходный пункт труда другого») так глубоко спряталось понимание того, что промышленное предприятие, добывающее бокситы или железную руду, целиком

принадлежит к подразделению 2, если вся его продукция, в конечном счёте, идёт на изготовление алюминиевых или железных чайников, ложек, вилок, детских колясок и других предметов индивидуального потребления?

Зерно → мука → тесто → ... – что это за продукт, который, переходя из одной фазы производства в другую, меняя свою потребительную форму и стоимость, движется к своему конечному завершению, – пирогу? Исчезает мука, тесто... и

остаётся лишь – пирог! Чей же это предмет труда, а, в конце концов, и конечный продукт? Это продукт подразделения 1 или подразделения 2?

Все фазы производства, или весь общественный труд (а по терминологии К. Маркса – «весь общественный капитал»), отвлекаемый на производство конкретного продукта, с самого начала принадлежит к 1-му или 2-му подразделению, в зависимости от формы потребления конечного продукта, или его конечной потребительной формы, либо средств труда, либо предметов потребления.

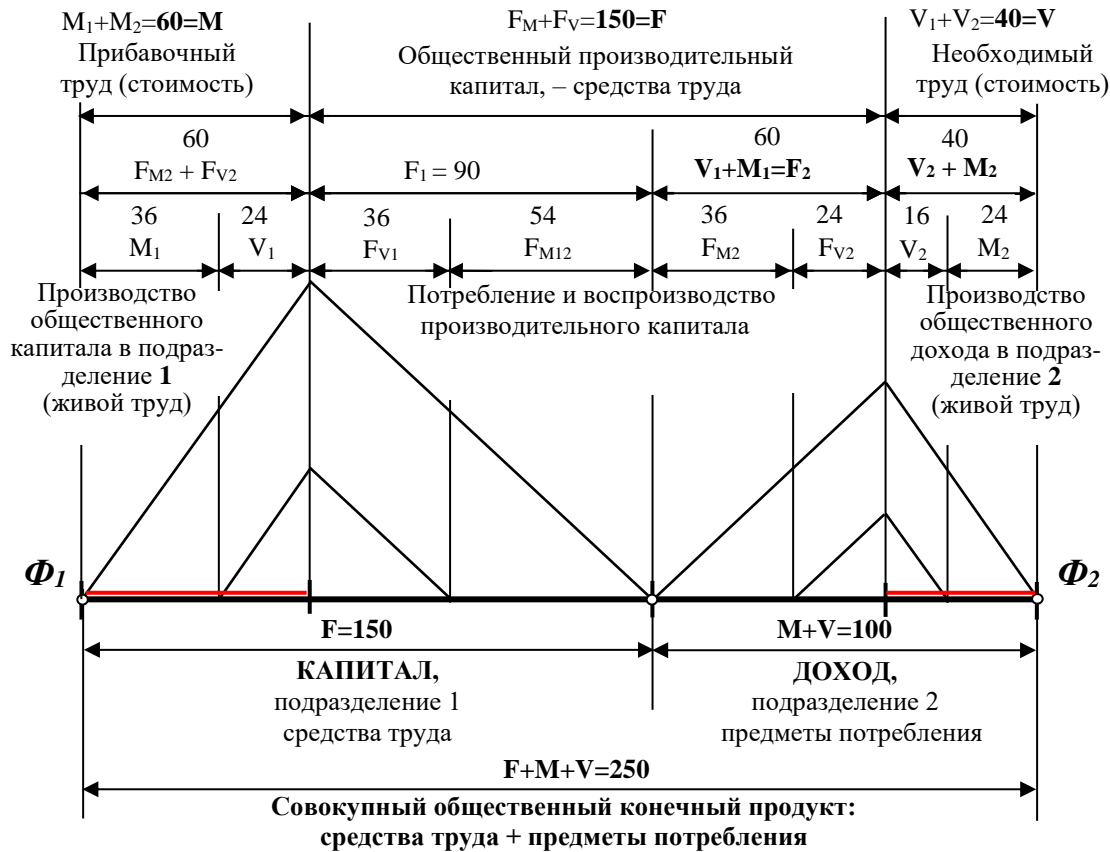

Рис. 5. Совокупный конечный продукт общества

Итак, в обществе всего 100 млн. человек, рис. 5.

Норма прибавочной стоимости в обществе $m' = \frac{M}{V} = \frac{m'_1 + m'_2 + m'_3}{V} = \frac{20 + 20 + 20}{40} = 1,5 \rightarrow 150\%$.

При этом, в подразделении 1 рабочее население $V_1 = 24$ млн. человек создают прибавочную стоимость $M'_1 = \frac{M_1}{V_1} = \frac{36}{24} = 1,5 \rightarrow 150\%$ и «кормят» себя и ещё 36 млн. человек. А в подразделении 2 рабочее население $V_2 = 16$ млн. человек создают прибавочную стоимость $M'_2 = \frac{M_2}{V_2} = \frac{24}{16} = 1,5 \rightarrow 150\%$ и «кормят» себя и ещё 24 млн. человек.

Подразделение 1 ежегодно потребляет (изнашивает) средств труда на сумму $F_{V_1} + F_{M_1} = 36 + 54 = F_1 = 90$ млн. рублей, а воспроизводит ежегодно средств труда («общественного основного капитала») по стоимости на сумму $F = 150$ млн. рублей. Весь продукт подразделения 1 составляет $(V_1 + M_1) + (F_{V_1} + F_{M_1} = F_1) = 60 + 90 = 150$ млн. рублей. Здесь $(V_1 + M_1) = 60$ млн. рублей – это

вновь созданная стоимость в подразделении 1, новые «средства труда», предназначенные для подразделения 2. Здесь $F_1 = 90$ млн. рублей это новые «средства труда», предназначенные для подразделения 1.

Подразделение 2 ежегодно потребляет (изнашивает) средств труда на сумму $(V_1 + M_1) = F_{V_2} + F_{M_2} = 24 + 36 = F_2 = 60$ млн. рублей, а воспроизводит ежегодно предметов потребления («общественного дохода») на сумму $M + V = 100$ млн. рублей. Весь продукт подразделения 2 составляет $(V_2 + M_2) + (V_1 + M_1) = 40 + 60 = 100$ млн. рублей. Здесь $(V_2 + M_2) = 40$ млн. рублей – это вновь созданная стоимость в подразделении 2, новые продукты и «предметы потребления» для людей, работающих в подразделении 2 и живущих за счёт подразделения 2.

В общественном производстве всегда должно выполняться равенство $(V_1 + M_1) = F_2$ и осуществляться равноценный обмен $(V_1 + M_1) \rightleftharpoons F_2$ по

стоимости.

6• Историческое изменение «прибавочной стоимости», «прибыли» и «стоимости конечного продукта общества»

11. Непонимание причин снижения стоимости продуктов при повышении «производительности труда». Путают «производительную силу» с «производительностью труда», и т. д и т. п.

Вот пример ошибочного понимания современного экономиста: «... Дилетантское объяснение Марксом снижения стоимости товаров при увеличении производительности труда при их производстве: он объяснял это банальным сокращением использования живого труда. ... Стоп, именно так, смотри п. 2•. ... Реальная же причина этого явления находится на поверхности – это превышение предложения над спросом, образующееся с повышением производительности труда, особенно в условиях конкурентной борьбы производителей за рынки сбыта».

«Если взять рабочее население данной численности, например два миллиона (в этом примере мы принимаем общество, где $V + M = 150 = const$) и принять далее продолжительность и интенсивность среднего рабочего дня ... (и т. д.)... за величины данные, то совокупный труд этих двух миллионов, а также и их прибавочный труд, выражающийся в прибавочной стоимости, постоянно производит стоимость одинаковой величины», – [21 ч. 1, с. 237]. И напомним ещё, что "... с прогрессом накопления отношение постоянной части капитала (части F) к переменной (части V) изменяется таким образом, что если первоначально оно составляло 1:1, то потом оно превращается в 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 7:1 и т. д., так что, по мере возрастания капитала, в рабочую силу последовательно превращается не $\frac{1}{2}$ его общей стоимости, а лишь $\frac{1}{3}, \frac{1}{4}, \frac{1}{5}, \frac{1}{6}, \frac{1}{8}$ и т. д., в средства же производства – $\frac{2}{3}, \frac{3}{4}, \frac{4}{5}, \frac{5}{6}, \frac{7}{8}$ и т. д. " [23 с. 635].

Привлечение различного количества людей к производству материальных благ – есть изменение труда, занятого в материальном производстве, т. е.

увеличение или уменьшение необходимого труда, переменной стоимости, переменного капитала общества. Одновременно с этим меняется отношение непроизводительного населения к производительному населению по причине изменения производительной общественной силы. В результате величина стоимости, которая распределяется между непроизводительным и производительным населением, делится теперь в другом отношении, а это означает не что иное, как изменение общественной нормы прибавочной стоимости и как следствие структуры общественного капитала.

На рис. 6(a) в таблице показана структурная схема конечного продукта общества, где норма прибавочной стоимости равна $m' = \frac{M}{V} = \frac{1}{4} = 0,25 \rightarrow 25\%$.

Если производительная сила общественного производства такова, что у каждого станка стоит рабочий (станки с ручным управлением), то при сокращении рабочих в два раза, количество работающих станков также сократится в два раза, так как рабочий в состоянии обслужить только один станок, а отсюда и масса производимого продукта также сократится в два раза. Понятно, что нет возможности увеличить M (непроизводительное население: учителей, артистов, футболистов...) за счёт уменьшения V (производительного населения: рабочих, крестьян...), ибо все будут жить в два раза беднее, так как на душу населения будет приходиться меньшее количество продуктов потребления.

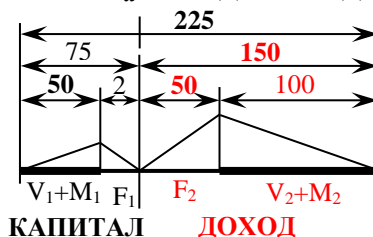
Если производительная сила увеличится в два раза и теперь один рабочий сможет обслужить сразу два полуавтомата, то масса производимого продукта также увеличится в два раза, и теперь при сокращении производительного населения в два раза ($\frac{V}{2}$) можно увеличить непроизводительное население на величину ($\frac{V}{2}$), при этом, натуральный доход общества останется прежним.

Так, если теперь $V' = \frac{V}{2} = \frac{120}{2} = 60$, то $M' = M + \frac{V}{2} = 30 + 60 = 90$, и норма прибавочной стоимости станет

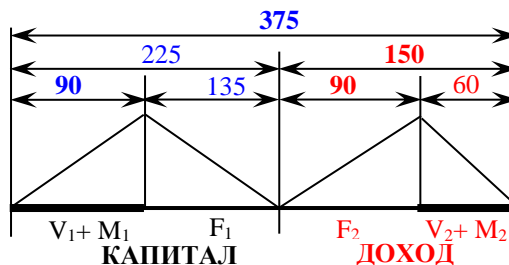
$$m' = \frac{(M + \frac{V}{2})}{\frac{V}{2}} = \frac{M'}{V'} = \frac{(30+60)}{(120-60)} = \frac{90}{60} = 1,5 \rightarrow 150\%.$$

ПРОДУКТ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ 1 а ПРОДУКТ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ 2

б) $m' = 50\%$
 $p' = 28,57\%$

в) $m' = 150\%$
 $p' = 31,58\%$

г) $m' = 200\%$
 $p' = 28,57\%$

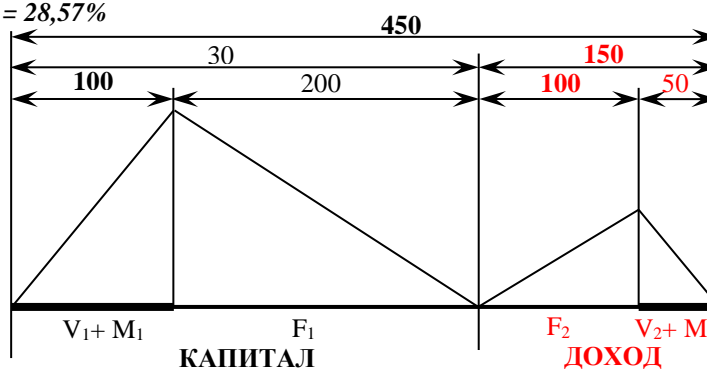

Рис. 6	$m' \%$	$p' \%$	Подразделение 1				Общество				Подразделение 2			
			M_1	V_1	F_1	СКП ₁	M	V	F	СКП	M_2	V_2	F_2	СКП ₂
(а)	25	19,05	6	24	7,5	37,5	30	120	37,5	187,5	24	96	30	150
(б)	50	28,57	16,(6)	33,(3)	25	75	50	100	75	225	33,(3)	66,(6)	50	150
(в)	100	33,33	37,5	37,5	75	150	75	75	150	300	37,5	37,5	75	150
(г)	150	31,58	54	36	135	225	90	60	225	375	36	24	90	150
(д)	200	28,57	66,(6)	33,(3)	200	300	100	50	300	450	33,(3)	16,(6)	100	150
(е)	400	19,05	96	24	480	600	120	30	600	750	24	6	120	150

Рис. 6. Историческое изменение структуры стоимости конечного продукта общества

Структурная стоимостная схема конечного продукта теперь изобразится иначе, см. рис. 6(г). Но теперь, при сокращении производительного населения в два раза, масса производимого продукта уменьшится в два раза, т.е. при увеличении производительной силы в два раза и одновременном сокращении производительного населения в два раза масса производимого продукта потребления в обществе останется прежней величиной. Теперь, масса производимого продукта потребления в обществе осталась прежней, тем не менее, изменилось органическое строение капитала и увеличилось отношение непроизводительного населения к производительному в $m'/m = 1,5/0,25 = 6$ раз.

Сделаем ещё шаг. Пусть представленное на рис. 6(г) общественное производство за промежуток времени, скажем, за 50 лет, увеличит свою производительную общественную силу в 2

раза. Это означает ежегодное увеличение производительной общественной силы ровно на два процента.

Увеличение производительной силы общества в 2 раза (при сохранении дохода на душу населения) может означать: либо при производстве прежней массы жизненных средств требуется меньше времени на её производство и, следовательно, сокращается рабочий день (без изменения стоимостного строения общественного капитала); либо, при производстве прежней массы жизненных средств общества, требуется привлечь меньше людей к производству дохода, при прежней продолжительности общественного рабочего дня, т.е. сокращается производительное и увеличивается непроизводительное население общества (с изменением стоимостного строения общественного капитала).

Если теперь производительное население

сократится в 2 раза и станет равным $V'' = V'/2 = 60/2 = 30$, то непроизводительное население увеличится и станет равным $M'' = M' + V'/2 = 90 + 30 = 120$, а норма прибавочной стоимости станет равной $m'' = \frac{M''}{V''} = \frac{120}{30} = 4 \Leftrightarrow$ (или 400%), рис. 5e, см. таблицу. В этом случае изменится не только органическое строение общественного капитала, но и структурная стоимостная формула конечного продукта общества, см. рис. 6(e) в таблице. И несмотря на то, что масса производимого продукта потребления осталась прежней и на душу населения приходится та же самая масса жизненных средств, тем не менее, отношение непроизводительного населения к производительному увеличилось, а норма прибавочной стоимости увеличилась в $m''/m' = 4/1,5 = 2,6(6)$ раза по сравнению с состоянием общества по рис. 6(z) и по сравнению с табличным значением состояния общества по рис. 6(a) – в $m''/m = 4/0,25 = 16$ раз.

На рисунках 1, 2 и 6 показаны три схемы конечного продукта "б", "z", "д", которые можно рассматривать как результат движения одного и того же общественного производства от состояния "б" к состоянию "z" и далее к "д", или как одновременно существующих трёх обществ, находящихся в различных состояниях. Стоимостное строение конечного продукта общества есть отражение стоимостного строения общественного производительного капитала.

«Следовательно, всеобщий закон, необходимо вытекающий из природы отношений между капиталом и трудом, таков, что при росте производительных сил та часть производительного капитала, которая превращается в машины и сырьё, т. е. капитал как таковой, возрастает несоразмерно по сравнению с той частью, которая предназначается на заработную плату, т. е. другими словами: рабочим приходится делить между собой всё уменьшающуюся по сравнению со всей массой производительного капитала часть этого капитала», [20, с. 596]. При этом, структурные преобразования приводят к тому, что - [18. Т.4. ч. 1, с. 215], - «Страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному», т. е., чем меньше «необходимый» труд общества – V по отношению к «прибавочному» труду – M , «Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда».

Замечание. Мы сегодня склоняемся к тому пониманию, что «постоянный капитал общества» есть переменная величина, в то время как, «переменный капитал общества» есть постоянная величина. «Постоянный капитал – F » общества есть переменная величина не в том смысле, что он (этот капитал) есть источник прибавочной стоимости, а в том смысле, что он есть изменяющаяся величина стоимости, так же как и изменяющееся богатство общества в форме средств труда, как производительной силы общества. «Переменный капитал – $V+M$ » общества есть постоянная величина не в том смысле, что эта величина, если оставить в

стороне рост населения, **есть постоянная величина стоимости** ($V+M = const$), изменяющаяся качественно, как «норма прибавочной стоимости», как ($M/V = var$), – **есть изменяющееся богатство общества в форме предметов потребления и духовных благ.**

Схемы на рис. 6 позволяют положительно ответить на вопрос: "Возможно ли расширенное воспроизводство в обществе, если денежная величина дохода в обществе остаётся постоянной величиной"? (Как это было, напомним, в СССР, где цены на продукты потребления годами не менялись, а по большим событиям даже снижались).

7. Заключение

Буржуазный экономист не признавал и не признаёт понятия «прибавочной стоимости» при капитализме, также как и экономист при социализме не признавал в советское время. Это вызвано тем, что за понятием «прибавочная стоимость» скрыто, тревожное понятие – «эксплуатация». Это привело к забвению классической экономической науки, и для науки и практики – это трагедия.

Преждевременные похороны «классической экономической науки» от А. Смита до К. Маркса (по мнению некоторых экономистов, классическая экономическая наука завершилась трудами К. Маркса) не привели к появлению новой экономической теории развития человеческого общества.

Возможность планомерно вести общественное производство есть одно из величайших завоеваний и преимуществ социализма – общества, основанного на коллективном общественном труде, общественной собственности и стоимостных отношениях, а потому нельзя преждевременно предавать забвению наличие не зависящего пока полностью от воли людей самодвижения общественного капитала, а в науке, говоря словами К. Маркса наличие «самодвижущегося содержания капитала».

Сегодня отечественные экономисты судорожно стали изучать, учить других и пропагандировать «буржуазную экономическую науку». Но, сегодня, ни «точки Фишера» и другие «точки», ни методика исчисления «валового национального продукта – ВВП», основанная на «кейнсианском подходе» и принятая в некоторых странах мира для национальных счетов, ни различные аспекты теории социалистического воспроизводства, основанные на рассмотрении совокупного (а не конечного!) общественного продукта, не дают исчерпывающего представления ни о пропорциях общественного капитала в совокупном конечном продукте, ни о структуре совокупного конечного продукта общества. Пропорциональность обнаруживается не в совокупном общественном продукте, или – не в совокупном товарном продукте общества, а в конечном продукте общества!

«Производительная сила» и «производительность труда» – основные критерии в оценке инновационного развития общественного производства, [5]. Однако, погоня за «превращённой

формой прибавочной стоимости» – «прибылью» была и остаётся главным побудительным интересом и движущим мотивом политики предприятий и в современных экономических отношениях корпораций и государств. Необходимо, ещё раз, напомнить что **«понятием стоимости выдаётся тайна капитала», а «понятием продукта выдаётся тайна богатства».** Это понимали уже во времена А.С. Пушкина, [24, гл. 1, с. 9], и много раньше. Главный герой романа Евгений Онегин уже:

«... Читал Адама Смита, Феокрита,
Знал, отчего и почему не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеешь...».

Напомним слова Ф. Энгельса – [28, с.16], – сказанные на могиле К. Маркса: «...Маркс открыл закон развития человеческой истории – тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни ... образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они, поэтому должны быть объяснены, – а не наоборот, как это делалось до сих пор...» и, к сожалению, продолжает делаться и сегодня.

Напомним также мнение Й. Шумпетера, сказавшего об экономической теории К. Маркса, как о «теории, построенной... на развитии экономического процесса как такового, движимого собственной энергией...» и что К. Маркс «оказался ... первым, кто представил себе то, что до сих пор всё ещё остаётся экономической теорией будущего, для которой мы медленно и упорно копим строительный материал...». [26].

«Только такое отношение к нашему бесценному идейному наследию, – [1, с. 22] ... и делает марксизм подлинной наукой и искусством революционного творчества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андропов Ю. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. – 1983. – № 3.
2. Белова С. В. Фонд возмещения средств труда и динамика 1 подразделения М.: 1977.
3. Два подразделения общественного производства, (методология деления) /Под ред. Залкинда Л. И. – М.: Статистика, 1976.
4. Два подразделения общественного производства // Под ред. Черковца В.Н. – М.: Мысль, 1971.
5. Кулик В.И., Кулик И.В. Производительная сила и производительность труда. Наука в цифрах. – 2017. – № 4 (5) – С. 18-36. (46 с.).

6. Кулик В.И., Кулик И.В. О движении продукта и его стоимости, о составных частях стоимости любого товарного продукта // Вестник ХГАЭП. 2003. № 4.

7. Кулик В.И., Кулик И.В. Структура рабочего дня, продукта, стоимости продукта: экономический и социально-политический аспекты // Вестник ХГАЭП. 2006. № 6.

8. Кулик В., Кулик И. Стоит ли перечитывать Маркса и как его читать? Экономическая теория: прогнозы и реальность // Вестник ХГАЭП. 2007. № 4.

9. Кулик В. И. Структура рабочего дня: социально-политический, экономический и технический аспекты. // Вестник ХГАЭП. 2002. № 2.

10. Кулик В. И., Кулик И. В. Материальное производство – основа социальной формы движения. // Вестник ХГАЭП. 2001. № 2.

11. Ленин В.И. 1971. Полн. Собр. Соч. Т.4.

12. Маркс К. Соч. – 2-е изд./ К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 24.

13. Маркс К. Соч. – 2-е изд./ К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 23.

14. Маркс К. Соч. – 2-е изд./ К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 4. Ч. III.

15. Маркс К. Соч. – 2-е изд./ К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 16.

16. Маркс К. Капитал. Т.1. – М.: Гос. изд-во. лит., 1949.

17. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг., ч. 1, 2, 3. – М.: Изд-во. полит. лит., 1978.

18. Маркс К. Т. 4, ч.1, ч.2, ч.3. – (Теории прибавочной стоимости). – М.: Изд-во полит. лит., 1978.

19. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 47.

20. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 20.

21. Маркс К. Капитал. Т.3, ч.1, ч.2 – М.: Изд-во. полит. лит., 1978.

22. Маркс К. Соч. – 2-е изд. / К.Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 6.

23. Маркс К. Капитал. Т.2. – М.: Изд-во. Полит. лит., 1978.

24. Пушкин А.С. Евгений Онегин; [Борис Годунов; Маленькие трагедии] / Александр Сергеевич Пушкин. – Москва : Издательство АСТ, 2015. – 352 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

25. Шаумян Г.А. Комплексная автоматизация производственных процессов. М.: Машиностроение, 1973.

26. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1978.

27. Экономический закон неуклонного роста производительности труда: сущность, действие и использование / Редакционная коллегия: И.И. Кузьминов и др., М.: «Мысль», 1974.

28. Энгельс Ф. Карл Маркс. – М.: Госполитиздат, 1955.

Статья отправлена в журнал 25.07.2021.

© Кулик В.И., Кулик И.В., 2021.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ» НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

*Сафонова Анастасия Витальевна
Магистрант*

*Российской академии народного хозяйства и государственной
Службы при президенте Российской Федерации
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена сущность категории «конфликт интересов» на государственной службе. Проанализировано законодательное определение конфликта интересов и теоретические подходы к данному правовому явлению.

ABSTRACT

The article considers the essence of the category "conflict of interests" in the civil service. The article analyzes the legislative definition of the conflict of interests and theoretical approaches to this legal phenomenon.

Ключевые слова: государственная служба, конфликт интересов, коррупция.

Keywords: civil service, conflict of interest, corruption.

Конфликт интересов на государственной службе вот уже ни один десяток лет является одним из важнейших направлений научных исследований в юриспруденции. Данная тенденция продиктована теоретическими, законодательными и практическими аспектами определения понятия и сущности такой правовой категории как «конфликт интересов».

Теоретическое значение определения сущности конфликта интересов обусловлено необходимостью формирования четкой терминологической основы. Особенности такого определения конфликта интересов (в определении законодателя) посвящены диссертационные исследования, предметом которых стал именно этот тип конфликта [8, с. 42].

В настоящее время в правовой науке отсутствует единое понимание термина «конфликт интересов». Большинство ученых наделяют данное определение рядом признаков и элементов, перегружающих его содержание и затрудняющих установление конфликта интересов на практике [5, с. 20].

Так, по мнению Д.И. Дедова, конфликт (от лат. *conflictus* - «столкновение») – это столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов либо субъектов взаимодействия [6, с. 1].

По словам О.В. Казаченковой, при конфликте интересов государственный служащий делает выбор между личной заинтересованностью, как возможностью неосновательного обогащения при исполнении должностных обязанностей в денежной либо натуральной форме непосредственно для себя, членов своей семьи, иных граждан или организаций, указанных в Законе, и интересами службы, то есть задачами, для выполнения которых образованы федеральные государственные органы, государственные органы субъектов Российской Федерации, и полномочиями, выполнение которых

непосредственно возложено на гражданского служащего [9, с. 78].

Кандыбин Р.В. говорит о том, конфликт интересов на государственной службе предопределяется особенностями правового, политического, социального, культурного и морального пространства должностного поведения государственных служащих [10, с. 108]. Автор делает акцент на мысли о том, что конфликт интересов в системе государственной службы нельзя рассматривать односторонне, как простое противоречие личных интересов государственного служащего и государства, общества, граждан и их объединений, социальных групп. Это сложное социальное явление, в основе которого находится множество различных факторов объективного и субъективного свойства, определенных условий исполнения государственных служащими должностных обязанностей, институциональных погрешностей в организации системы государственной гражданской службы.

С законодательным подходом к определению понятия и сути «конфликта интересов» также не все так просто. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1] определил конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, Российской Федерации или ее субъекта, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, Российской Федерации или ее субъекту.

Таким образом, подход, в соответствии с которым конфликт интересов – это противоречие между частной заинтересованностью и публичной

обязанностью, был сохранен. В то же время с учетом того, что личная заинтересованность была определена в данном законе посредством получения материальной выгоды, определение конфликта интересов было сужено по сравнению с Концепцией реформирования системы государственной службы Российской Федерации.

Институт конфликта интересов подвергся серьезным изменениям после принятия Федерального закона «О противодействии коррупции». По сравнению с вышеуказанным законом о гражданской службе, закон о противодействии коррупции в определении сущности конфликта интересов содержит следующие особенности:

во-первых, конфликтом интересов должна считаться ситуация, связанная с влиянием личной заинтересованности государственного служащего на надлежащее исполнение им не только должностных (то есть по конкретной должности), но и общих служебных обязанностей;

во-вторых, закон подчеркивает, что личная заинтересованность государственного служащего может быть не только прямой, но и косвенной.

Достаточно сложно сказать, что понимают законодатели под косвенной личной заинтересованностью. Можно лишь предположить, что в данном случае речь может идти не о непосредственном получении государственным служащим доходов, а о создании реальной возможности их получения. Однако в любом случае понятие «личной заинтересованности» и «конфликта интересов» остается, к сожалению, оценочной категорией [9, с. 44].

Несмотря на то, что Федеральный закон «О противодействии коррупции» содержит определение конфликта интересов, распространяющееся на все виды государственной службы, практически одновременно с принятием закона законодатели внесли изменение в Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» [2], дополнив его ст. 14.1, в которой содержится иное определение конфликта интересов на муниципальной службе.

Представляется, что это свидетельствует об отсутствии системного подхода в законодательской деятельности к конфликту интересов в сфере служебных отношений.

По нашему мнению, в контексте государственного сектора «конфликт интересов» — это ситуация, когда возникает конфликт между государственными обязанностями и частными интересами. Термин относится к обстоятельствам, при которых на публичного должностного лица может оказывать влияние или может разумно восприниматься влияние частного интереса при выполнении служебной функции. Ряд частных интересов имеет отношение к термину конфликт интересов. Доверие к государственным институтам лежит в основе нашего общества и правительства. Это фундаментальные отношения, которые нельзя гарантировать или допустить; скорее, его нужно активно генерировать и поддерживать. Доверие

также тесно связано с представлениями о целостности институтов государственного сектора и отдельных лиц, которые там работают. Доверие может быть уменьшено только восприятием неправомερных действий, независимо от того, насколько хорошо соответствующие должностные лица выполняют определенную им функцию.

Таким образом, законодательное значение обусловлено необходимостью развития нормативной базы. Без четкой понятийной законодательной базы, вполне возможно нарушение единства в правоприменительном подходе к конфликту интересов в служебных отношениях.

Так, к примеру, С. обратился в суд с иском к УФССП по Республике Башкортостан об отмене приказа о расторжении служебного контракта, восстановлении на работе, обязанности выплатить компенсацию за время вынужденного прогула, взыскании компенсации морального вреда, указав в обоснование иска, что считает решение о своем увольнении незаконным, поскольку оно не основано на объективных доказательствах, и его вина в совершении инкриминированного ему проступка и нарушении норм Федерального закона «О противодействии коррупции» [3] материалами дела не доказана. Также ему неверным и ошибочным представляется вывод представителя нанимателя о наличии в его действиях конфликта интересов, поскольку указанный вывод представителя нанимателя сделан на неверном толковании норм материального права. В спорной ситуации не установлена реальная возможность воздействовать на ход исполнительного производства в интересах третьих лиц, следовательно, отсутствуют обязательные элементы правовой квалификации конфликта интересов в его действиях. Однако, суд позицию истца не поддержал и посчитал, что ситуация, описанная в материалах дела, вполне может быть квалифицирована в качестве конфликта интересов [4].

Следовательно, четкое определение сущности конфликта интересов крайне необходимо как на теоретическом, так и на практических уровнях.

В заключении статьи можно сделать вывод, что конфликт интересов в системе государственной службы представляет собой достаточно сложное явление социального и правового характера. В его основе лежит многообразие факторов, характеризующихся объективными и субъективными признаками, в том числе, совокупностью обязанностей государственных служащих, системных признаков органов власти, установленного порядка исполнения функций управления. Наш анализ однозначно указывает на наличие проблемы, связанной с весьма разнообразным и не всегда точным термином «конфликт интересов». Данная ситуация свидетельствует о несовершенстве механизмов реализации норм, регулирующих конфликт интересов, которые закреплены в положениях действующего законодательства о государственной

и службе. Для обеспечения последовательности в практической деятельности требуется подробное раскрытие этих категорий, в том числе в типовых кодексах этики, принятых на федеральном уровне, этических кодексах органов государственной власти субъекта Российской Федерации и в др.

Библиографический список

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // СЗ РФ. - 2004. - № 31. - Ст. 3215.
2. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 10. - Ст. 1152.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228.
4. Решение Советского районного суда г. Уфы от 24 июня 2019 г. по делу № 2-6350/2019// Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.06.2021).
5. Воробьева М.В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе как правовое явление // Седьмые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 16 декабря 2012 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 3: Проблемы административного, финансового и налогового права. - М.: РПА Минюста России, 2013. - С. 20-27.
6. Дедов Д.И. Конфликт интересов. - М.: ВолтерсКлувер, 2004. -189 с.
7. Пономарева Е.А. Урегулирование конфликта интересов на гражданской службе и противодействие коррупции // Следователь. - 2012. - № 10 (174). - С. 42-47.
8. Смахтин Е.В. Конфликт интересов в механизме противодействия коррупции // Правовые основы и практика противодействия коррупции на муниципальном уровне: материалы межрегиональной научно-практической конференции. - Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2018. - С. 44-51.
9. Казаченкова О.В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе // Журнал российского права. 2006. №3 (111). — С. 78–83.
10. Кандыбин Р.В. Теоретическое обоснование актуальности противодействия конфликту интересов как одному из источников проявления коррупции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2012. - № 3 (29). - С. 108-115.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ — ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДАННОГО ВИДА НАКАЗАНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Шаповалов Владимир Сергеевич

Старший преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС, Псковский филиал Академии ФСИН России, г. Псков

FORCED LABOR — THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THIS TYPE OF PUNISHMENT IN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET RUSSIA

Shapovalov Vladimir Sergeevich

Senior Lecturer of the Department of Organization of the Regime and operational-search activities in the penal system, Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в настоящей статье являются особенности прототипов современного вида уголовного наказания в виде принудительных работ в дореволюционный и советский периоды развития отечественного уголовного права.

Анализируются истоки появления и последующего развития данного вида наказания, проводится исследование смиренных, работных домов и исправительных арестантских отделений, лагерей принудительных работ как прообраза современных исправительных центров. Автором обозначены основные проблемы и сложности, связанные с исполнением наказания в виде принудительных работ в исследуемые периоды.

Научный анализ обозначенной проблематики обуславливается, в том числе и поиском путей оптимизации исследуемого вида уголовного наказания на современном этапе.

ABSTRACT

The subject of the research in this article is the features of the prototypes of the modern type of criminal punishment in the form of forced labor in the pre-revolutionary and Soviet periods of the development of domestic criminal law.

The authors analyze the origins of the appearance and subsequent development of this type of punishment, conduct a study of straitjackets, workhouses and correctional prison departments, forced labor camps as a prototype of modern correctional centers. The author identifies the main problems and difficulties associated with the execution of punishment in the form of forced labor in the studied periods.

The scientific analysis of the indicated problems is conditioned, among other things, by the search for ways to optimize the studied type of criminal punishment at the present stage.

Ключевые слова: принудительные работы, смирительные и работные дома, исправительные арестантские отделения, исправительный центр, исполнение наказания, исправительно-трудовое воздействие.

Keywords: forced labor, straitjackets and workhouses, correctional prison departments, correctional center, execution of punishment, correctional labor impact.

Принудительные работы как вид наказания был известен еще дореволюционному российскому уголовному законодательству. Проследим генезис юридической нормы от начальных истоков ее становления. Впервые схожее по содержанию наказание применялось в России еще в эпоху Петра I. Артикулом воинским 1715 г. и Генеральным регламентом 1720 г. были введены нормы об обязательных принудительных работах для арестованных.

Этот период развития пенитенциарной системы государства Российского характеризовался увеличением численности арестантов, ограниченным количеством мест лишения свободы и нехваткой средств для их содержания [4].

Таким образом, арестанты, отбывая наказание в изоляции от общества, использовались в качестве бесплатной рабочей силы при различных работах, проводимых в местах заключения.

В первой половине XVIII в. задача извлечения выгоды от труда осужденных к лишению свободы для чиновников становится приоритетной. Появляются прообразы современных исправительных центров — смирительные и работные дома, а также исправительные арестантские отделения.

В 1721 г. Сводом правил Главного магистрата в ряде городов были учреждены смирительные дома для мужчин и прядильные дома для женщин, чтобы заключенные, как минимум, сами обеспечивали свое пропитание.

7 ноября 1775 г. Екатерина II учредила законодательный акт «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», которым смирительные и работные дома были отданы в ведение Приказа общественного призрения, причем в смирительные дома предполагалось направление «лиц непотребного и невоздержанного жития» (п. 391), а работные дома предназначались для содержания неимущих «дабы работою доставить прокормление» (п. 390) [3].

Идея работных домов состояла в том, чтобы помочь неимущим, нуждающимся хоть в каком-то заработке, а также приучить к труду тунеядцев. Заметим, в работный дом в случае нужды можно было прийти добровольно или попасть принудительно — полиция свозила туда праздношатающихся и профессиональных попрошайек. Их условно делили на призываемых «надежного» и «ненадежного» поведения. Первым давали более простые работы, ко вторым приставляли надзирателя и запрещали покидать помещение.

Указом от 3 апреля 1781 г., данным Сенату «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях», круг лиц, содержащихся в работных домах, был расширен — в них стали направлять виновных в совершении воровства-кражи на сумму до 20 руб. С появлением работных и смирительных домов труд приобретает элементы воспитательного воздействия и рассматривается как средство, способное отвлечь от дурных привычек и наклонностей.

Если изначально смирительные дома предназначались для содержания лиц, преступниками не являющихся, и, соответственно, местом отбывания наказания не считались, то в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. временное заключение в смирительном доме обозначено как исправительное наказание, причем оговаривалось, что осужденные на заключение в домах рабочих и смирительных «употребляются» только на определенные уставами этих домов работы [6].

15 августа 1845 г. были приняты «Дополнительные правила к Уставу о содержащихся под стражею», которые включали положения «О осужденных к заключению в рабочем доме» и «О осужденных к заключению в смирительном доме». Документами определялось, что работники получают в месяц по полтора пуда муки, по полтора гарнца крупы и по два фунта соли. По исполнении порученной им работы они могут отдыхать или трудиться для собственной выгоды. В системе наказаний Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. заключение в смирительный дом уже отсутствует.

К наказаниям исправительным, которые включали в своё содержание принудительный труд, Уложение 1845 года относил и временное содержание осужденного в исправительной арестантской роте гражданского ведомства, основными целями которого объявлялись: помощь в работах по городу, уменьшение количества пересыльных лиц в Сибирь и расходов на их конвоирование. Правовой основой исполнения принудительных работ выступало «Положение о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства» 1845 г.

В арестантские роты поступали: по приговорам суда — преступники; по распоряжению правительства — бродяги и беглые, показывающие себя из податного состояния или из разночинцев; по приговорам городских и сельских обществ — «люди от развратной жизни впавшие в податные недоимки, для отработки этой недоимки и для нравственного их исправления»; по

приговорах обществ и распоряжению помещиков — люди порочные для исправления в поведении.

Функционировали арестантские роты следующим образом: военное управление каждой ротой сосредоточивалось в лице командира роты, который также следил, чтобы каждый арестант овладел несколькими ремеслами, губернская строительная комиссия обеспечивала их работами, а унтер-офицерский состав роты осуществлял круглосуточный надзор за арестантами во время работ и отдыха, офицеры и солдаты из губернского батальона внутренней стражи несли внешнюю охрану здания роты, священник заботился о нравственном исправлении [7].

Однако применение труда арестантов оставалось экономически невыгодным для губернских властей, так как он не окупал финансовых затрат на содержание арестантской роты. Другой проблемой существования арестантских рот была трудность в обеспечении арестантов квалифицированной работой, за которую бы им достаточно платили и которая могла бы стать в дальнейшем средством для свободной самостоятельной деятельности. Данные факты привели к их роспуску в 1870 г. и образованию на такой базе нового типа пенитенциарных учреждений — исправительных арестантских отделений.

Военизированный режим в них был упразднен, внешние работы для арестантов были прекращены, основной упор делался на развитие работ в мастерских внутри мест заключения. Исправительные арестантские отделения были включены в единую систему исполнения уголовных наказаний и подчинены созданному в 1879 г. Главному тюремному управлению Министерства внутренних дел.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в царской России предпринимались попытки достичь компромисса между государственной необходимостью использования наказания в качестве меры устрашения, экономической потребностью тратить как можно меньше средств на содержание учреждений исполнения наказания, а в идеале даже получать прибыль, и социальной обязанностью перевоспитания и социальной адаптации осужденных. Государство апробировало различные виды наказаний, где ограничение свободы служило средством привлечения к труду.

Вместе с тем до становления советской власти, привлечение заключенных к труду носило эпизодический, слабо регламентированный характер, зачастую превращавший их работу в рабский труд.

Впервые на законодательном уровне принудительные работы были закреплены в Декрете СНК РСФСР от 08.05.1918 «О взяточничестве», который устанавливал, что лицо, виновное в даче взятки или принятии взятки, приговаривается к наиболее тяжелым, неприятным и принудительным работам.

Принудительные общественные работы фигурировали в качестве мер наказания в Декрете

СНК от 20.07.1918 № 3 «О суде», Декрете СНК от 22.07.1918 «О спекуляции», постановлении СНК от 19.09.1918 «Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок», постановлении Совета рабочей и крестьянской обороны от 25.12.1918 «О дезертирстве» [2].

В рассматриваемый период времени данный вид наказания носил двоякий характер, принудительные работы: во-первых, усиливали карательное содержание лишения свободы и назначались в совокупности; во-вторых, в отдельных случаях, с учетом роли виновных в совершении преступления, предусматривались в качестве основного вида наказания.

Порядок исполнения наказания устанавливало Постановление ВЦИК от 16.06.1919 «Организация лагерей принудительных работ». Управление лагерями принудительных работ осуществлялось Отделом народного комиссариата внутренних дел. В них направлялись лица на основании постановлений отделов управлений чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов. Все заключенные назначались на работы, вид которых определялся администрацией лагеря, и занимались физическим трудом в течение срока отбывания наказания. У каждого осужденного имелся лицевой счет и книжка, что позволяло регулировать доходы осужденных с учетом заработка и необходимости содержания лагеря.

Принудительные работы как вид наказания фигурировали в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919 (принудительные работы без помещения в места лишения свободы), Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. (принудительные работы без содержания под стражей) и Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. (принудительные работы без лишения свободы). В гл. IV Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. содержались положения о деятельности Бюро принудительных работ без содержания под стражей. Указанные бюро на правах отдельной части состояли при губернской (областной) инспекции мест заключения. Расходы по их содержанию покрывались из отчислений от заработной платы осужденных [5].

Находившиеся на учете в бюро принудительных работ не имели права без разрешения переходить на другую работу, изменить местожительство.

Как и в царской России, принудительные работы имели целью полное, целесообразное, выгодное использование рабочей силы и самокупаемости. При организации исполнения наказания в виде принудительных работ предполагалось широко использовать труд лиц, отбывающих наказание, местными государственными учреждениями и государственными предприятиями для выполнения хозяйственных работ — мелиоративных, дорожных, по ремонту школ, детских домов, что

позволило бы осуществлять с большой экономией в средствах ряд значимых социальных проектов.

При таких обстоятельствах государство рекомендовало судам активнее применять принудительные работы. Организация принудительных работ зависела от срока наказания.

Применялась урочная система с зачетом времени, данного на выполнение урока, независимо от времени, фактически на это затраченного. Как мы видим, в период с 1918 по 1933 г. в РСФСР была предпринята активная попытка организовать исполнение принудительных работ на началах хозяйственной выгоды и достаточной репрессивности.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года, переименовывает принудительные работы в исправительно-трудовые работы и устанавливает их в качестве основной меры для тех заключенных, кто не нуждается в изоляции от общества. Труд заключенных рассматривается как основополагающий элемент их перевоспитания и приучения их к работе и жизни в условиях трудового коллектива.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.03.1964 г. впервые введено условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. Данная мера позволяла использовать труд осужденных на строительстве объектов, при этом осужденные приобретали профессии, с ними проводилась воспитательная работа администрацией предприятий и строек.

Немного позже, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12.06.1970 г. к труду привлекались также условно осужденные лица. Эти институты предусматривали постоянный надзор за их поведением и соблюдением установленных законом ограничений. Только в 1977 г. в УК РСФСР условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду было включено в качестве меры уголовно-правового характера.

Таким образом, в развитии принудительных работ как меры наказания в советский период, можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, введение данной меры во многом было обусловлено стремлением государства к снижению затрат на обеспечение осужденных и переводом части из них на самокупаемость системы исправления.

Во-вторых, рассмотрение трудовой деятельности осужденных не только в качестве средства снижения расходов бюджета государства, но и как эффективного средства их перевоспитания и исправления.

Завершая настоящее исследование, приходим к выводу о том, что развитие принудительных работ как вида наказания в контексте исторических и политических условий нашей страны исследуемых периодов свидетельствует о понимании государством необходимости поиска альтернативных лишению свободы мер наказания. Возрождение в сфере уголовно-правового регулирования в 2011 г. вида наказания в виде принудительных работ, не использовавшегося с 1933 г., свидетельствует о тенденции к дальнейшей гуманизации мер уголовно-правового воздействия.

Литература

1. Конституция РФ 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 02.09.2021).

2. Лапшин В.Ф. Прототипы наказания в виде принудительных работ в советском уголовном праве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 30-39.

3. Лапшин В.Ф., Розенко Е.А. Прототипы наказания в виде принудительных работ в русском уголовном праве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 46-55.

4. Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Уголовное наказание в виде принудительных работ: правовое регулирование назначения и исполнения. Рязань, 2021. 137 с.

5. Мурзак С.А. История становления принудительных работ как вида наказания в советский период // Вестник молодого ученого Кузбасского института. Сборник научных статей. Новокузнецк, 2020. С. 42-46.

6. Полосухина О.В., Бурчихин А.Н. Исторические аспекты развития наказания в виде принудительных работ // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 271-273.

7. Царева Е.А. Эволюционный путь развития уголовного наказания в виде принудительных работ // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XIX всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 74-76

Ежемесячный научный журнал

Том 1 №70 / 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID: 660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID: 806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID: 762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID: 9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID: 1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация и безопасность движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID: 330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID: 293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID: 573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук.

Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID: 410791

Профессор факультета психологии Гуманитарно-прогностического института. Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID: 416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практика управления факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВО МГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID: 391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID: 193376

Профессор на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID: 357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID: 681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID: 1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управление персоналом и психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID: 425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория

профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID: 596021

Заведующая кафедрой психологии. Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID: 493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеуниверситетская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID: 750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID: 450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID: 1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID: 652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID: 338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровью ФМБА, Лаборатория экологической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID: 666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультеты, Факультет послевузовского профессионального образования врачей,

кафедра нелекарственных методов терапии и клинической физиологии (Москва), доктор медицинских наук.

Ильясов Олег Рашитович

AuthorID: 331592

Уральский государственный университет путей сообщения, кафедра техносферной безопасности (Екатеринбург), доктор биологических наук

Косс Виктор Викторович

AuthorID: 563195

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, НИИ спортивной медицины (Москва), кандидат медицинских наук.

Калинина Марина Анатольевна

AuthorID: 666558

Научный центр психического здоровья, Отдел по изучению психической патологии раннего детского возраста (Москва), кандидат медицинских наук.

Сырочкина Мария Александровна

AuthorID: 772151

Пфайзер, вакцины медицинский отдел (Екатеринбург), кандидат медицинских наук

Шукшина Людмила Викторовна

AuthorID: 484309

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук

Оленев Святослав Михайлович

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

Терентий Ливиу Михайлович

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

Шкаренков Павел Петрович

AuthorID: 482473

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук

Шалагина Елена Владимировна

AuthorID: 476878

Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук

Франц Светлана Викторовна

AuthorID: 462855

Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук

Франц Валерия Андреевна

AuthorID: 767545

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук

Глазунов Николай Геннадьевич

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

Романова Илона Евгеньевна

AuthorID: 422218

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д. 44, к. 1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.